

ПРАВО

№ 1.

1908 г.

ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРАВО“

С.-Петербургъ, Владимірскій просп., д. № 19. Телефонъ 41—61.

КОМИССІОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.

- ❖❖ Анисимовъ, В. П. Уставъ о гербовомъ сборѣ. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.
❖❖ Абрамовичъ, Н. Я. Человѣкъ будущаго. 1908 г. Ц. 50 к.
❖❖ Бодлэръ, Ш. Исканія рая. 1908 г. Ц. 1 р.
БЕРНШТЕЙНЪ, Эд. Исторія рабочаго движенія въ Берлинѣ. 1908 г. Ц. 2 р.
❖❖ Валаевъ, А. А. Полное счетоводство учрежденій мелкаго кредита. 1907 г. Ц. 75 к.
❖❖ Вовчокъ, В. Нѣдра земли въ Россіи и ихъ обобществленіе. 1908 г. Ц. 1 р.
❖❖ Гагенъ, В. А. Обязательная помощь бѣднымъ въ Германіи. 1908 г. Ц. 50 к.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ и предположенія партіи народной свободы 1905—1907 гг.
1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
❖❖ Западные сборники. Книга первая. 1908 г. Ц. 1 р.
❖❖ Желѣзновъ, В. Очерки политической экономіи. 6-е изд. 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.
ИВАНОВСКІЙ, И. А. Программа курсовъ государственнаго права. Изд. 2-е. 1908 г. Ц. 30 к.
ИСАЧЕНКО, В. Л. Сводъ кассационныхъ положеній по вопросамъ русскаго гражданскаго процессуальнаго права за 1866—1907 гг. 1908 г. Ц. 6 р. 50 к.
ІЕРИНГЪ, Р. Борьба за право. 1908 г. Ц. 15 к.
❖❖ **КОРФЪ, С. А., бар. Исторія русской государственности.** 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.
❖❖ „Критическое Обзорѣніе“. Выпускъ V. 1907 г. Ц. 40 к.
❖❖ **Казьминъ-Вьюговъ, Н.** О религіозномъ воспитаніи дѣтей. 1908 г. Ц. 35 к.
❖❖ **Масловъ, П.** Аграрный вопросъ въ Россіи. Т. II. Кризисъ крестьянскаго хозяйства и крестьянское движеніе. 1908 г. Ц. 3 р.
МАКЛАКОВЪ, В. А. и ПЕРГАМЕНТЪ, О. Я. Наказъ государственной думы. 1907 г. Ц. 1 р.
❖❖ **Николаевъ, А. А.** Кооперация. Изд. 2-е, перераб. и дополн. 1908 г. Ц. 30 к.
❖❖ **Новиковъ, И.** Духу святому. 1908 г. Ц. 1 р.
❖❖ „Наша страна“. Историческій сборникъ. № 1. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
Отчетъ центрального комитета конст.-демокр. партіи (п. н. с.). 1907 г. Ц. 50 к.
❖❖ **Петровская, Н.** Sanctus Amor. 1908 г. Ц. 60 к.
❖❖ **Ремизовъ, А.** Чортовъ логъ и полуночное солнце. 1908 г. Ц. 1 р.
РОТЕНБЕРГЪ, Л. М. Т. X, ч. I. Законы гражданскіе, съ разъясненіями. (Карман. изданіе). 1908 г. Ц. 2 р. 50 к.
СОВРЕМЕННЫЯ КОНСТИТУЦІИ. Т. I. Конституціонныя монархіи. Ц. 3 р. (въ перепл.). Т. II. Федерациі и республики. Ц. 3 р. (въ перепл.).
СТУДНИЦКІЙ, ВЛ. Польша въ политическомъ отношеніи, отъ раздѣловъ до нашихъ дней. 1908 г. Ц. 1 р.
❖❖ **Чуковский, К.** Отъ Чехова до нашихъ дней. 1908 г. Ц. 1 р.
ШОРЪ, А. С. Основныя проблемы теоріи политической экономіи. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
Штаммлеръ, Р. Хозяйство и право. Т. I—II. Ц. 4 р.
Эліяссонъ, Л. С. Законы объ отношеніяхъ между предпринимателями и рабочими въ области фабрично-заводской промышленности. 1908 г. Ц. 3 р.

Каталогъ склада на 1908 г., съ указателями предметнымъ и поименнымъ высылается бесплатно.

Принимается подписка на всѣ періодическія изданія по цѣнамъ редакцій.

П Р А В О

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

1908 г.

№ 1.

Воскресенье 6 января.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи: приватъ-доцента В. М. Гессена, І. В. Гессена, приватъ-доцентовъ А. И. Казинка и Н. И. Лазаревскаго, В. Д. Набокова и проф. Л. І. Петражицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Подлежитъ ли призваніе членовъ государственнаго совѣта къ присутствованію въ немъ ежегодному возобновленію. 2) Сила свода законовъ. Прив.-доц. А. И. Каминка. 3) Семейные раздѣлы крестьянъ и законъ 5 октября 1906 г. И. С. Урысона. 4) Русскіе парламентскіе прецеденты. А. А. Пиленко. 5) Привилегія въ пользу грузовъ, перевозимыхъ за границу. М. Г. Сосновецъ. 6) Судебные отчеты: а) Правит. Сенатъ. (Засѣданіе гражд. касс. департ. 12 декабря). б) Правит. сенатъ. (Засѣданіе угол. касс. департ. 11 декабря). в) С.-Петербургская судебная палата. (Дѣло о выборгскомъ воззваніи). 7) Хроника. 8) Справочный отдѣлъ. 9) Объявленія.

РЕДАКЦІЯ (М. Конюшенная, 3. Телефонъ 3620) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 11 ч. до 1 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разерочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на иногородній 50 к., иногородняго на иногородній—20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Владимірскій пр., 19) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Продолжается подписка на 1908 годъ.

Подлежитъ ли призваніе членовъ государственнаго совѣта къ присутствованію въ немъ ежегодному возобновленію.

Послѣ реформы государственнаго совѣта (24 апр. 1906 г.) составъ членовъ его по назначенію пересматривался дважды—1 января 1907 и 1 января 1908 гг., причемъ каждый разъ нѣкоторые изъ его членовъ подвергались исключенію.

Повидимому, эта періодическая очистка государственнаго совѣта отъ членовъ, неугодныхъ правительству, входитъ въ нашу конституціонную практику.

Но эта практика врядъ ли можетъ быть признана согласною съ дѣйствующими законами.

Въ настоящее время члены гос. совѣта распадаются на двѣ основныя категоріи: члены по Высочайшему назначенію и члены по выборамъ.

Члены по выборамъ участвуютъ только въ

«государств. совѣтѣ»¹⁾, но не въ департаментахъ его и не въ особыхъ его присутствіяхъ.

Что касается членовъ по Высочайшему назначенію, то они въ свою очередь распадаются на три разряда: а) члены, присутствующіе въ «гос. совѣтѣ», б) члены, присутствующіе въ департаментахъ или особыхъ присутствіяхъ, и в) члены, «не присутствующіе въ совѣтѣ».

¹⁾ Законъ весьма неизящно дѣлитъ государственный совѣтъ на 1) «государственный совѣтъ» (законодательное установленіе) и 2) департаменты гос. совѣта и особыя его присутствія: тутъ по терминологіи закона часть равна цѣлому. Прежде департаменты государственнаго совѣта противопоставались общему его собранію. Нынѣ терминъ общее собраніе изъ закона исчезъ. Эта редакція закона, при которой и часть, и цѣлое носятъ то же наименованіе, иногда сильно затрудняетъ и толкованіе закона, и вразумительное его изложеніе.

Та же неправильность редакціи имѣется и въ новыхъ основныхъ законахъ, которые имѣютъ два раздѣла: изъ нихъ первый называется, также какъ и цѣлое, «основные гос. законы», а второй «учрежденіи Императорской фамиліи».

Относительно членовъ, присутствующихъ въ департаментахъ и особыхъ присутствіяхъ, установлено, что «департаменты образуются изъ председателей и членовъ, ежегодно назначаемыхъ въ оныя высочайшей властью изъ числа членовъ гос. совѣта по назначенію» (учр. гос. сов., ст. 67). Такимъ образомъ, составъ департаментовъ можетъ подлежать ежегодному обновленію.

Относительно особыхъ присутствій говорится (ст. 96 и 99), что они состоятъ изъ членовъ «назначаемыхъ высочайшей властью», причемъ не сказано, чтобы назначеніе ихъ должно было возобновляться ежегодно. Срочности назначенія законъ, очевидно, не предполагаетъ.

Что же касается членовъ, присутствующихъ въ «гос. совѣтѣ», то имъ посвящены ст. 9 и 11 учр. гос. сов. Согласно ст. 9 ой, «общее число членовъ гос. совѣта, призываемыхъ высочайшей властью къ присутствованію въ совѣтѣ изъ среды его членовъ по высочайшему назначенію, не должно превышать общаго числа членовъ по выборамъ. Составъ присутствующихъ въ совѣтѣ членовъ по высочайшему назначенію можетъ быть пополняемъ изъ числа зѣхъ членовъ, какъ не присутствующихъ въ совѣтѣ, такъ и вновь назначаемыхъ. Члены по высочайшему назначенію увольняются только по ихъ о томъ просьбамъ». Ст. 11 говоритъ, что «составъ присутствующихъ въ совѣтѣ членовъ по высочайшему назначенію, а также членовъ по выборамъ ежегодно публикуется во всеобщее свѣдѣніе».

Изъ этихъ постановленій правительство дѣлаетъ тотъ выводъ, что призваніе къ присутствованію въ совѣтѣ подлежитъ ежегодному обновленію, и къ 1 января каждаго года теперь публикуется списокъ членовъ, призванныхъ къ присутствованію, причемъ изъ этого списка исчезаетъ кто либо изъ призывавшихся къ присутствованію въ предыдущемъ году.

Но эти статьи рѣшительно не даютъ основанія для того вывода, который изъ нихъ дѣлается.

Ст. 11 говоритъ, что составъ присутствующихъ въ совѣтѣ членовъ по высочайшему назначенію, «а также членовъ по выборамъ» ежегодно публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Уже изъ того одного, что о ежегодной публикаціи членовъ совѣта по назначенію говорится вмѣстѣ съ публикаціею членовъ по выборамъ, ясно слѣдуетъ, что эта публикація не имѣетъ никакого отношенія къ назначенію членовъ или къ установленію срока ихъ службы: члены по выборамъ избираются на 9 лѣтъ, а не на годъ (ст. 18). Это прямо сказано въ законѣ, и такимъ образомъ ежегодная публикація не имѣетъ никакого отношенія къ сроку, на который членъ гос. совѣта избирается, а слѣдовательно и не можетъ толковаться, какъ устанавливающая срокъ, на который членъ совѣта призывается къ присутствованію въ немъ.

Этотъ выводъ о годичности назначенія въ члены совѣта по высочайшему назначенію опро-

вергается, кромѣ того, прямымъ постановленіемъ статьи 9 учр. гос. совѣта, согласно которой (последнія строчки статьи) «члены по высочайшему назначенію увольняются только по ихъ о томъ просьбамъ».

Это постановленіе относится именно къ членамъ совѣта, присутствующимъ по высочайшему назначенію. Необходимость именно этого толкованія обусловливается мѣстомъ, занимаемымъ разсматриваемымъ постановленіемъ въ системѣ закона. Учр. гос. совѣта, которое распадается на четыре части: 1) введеніе, относящееся ко всѣмъ вообще членамъ совѣта и ко всѣмъ его установленіямъ; 2) раздѣлъ первый «о государственномъ совѣтѣ», относящійся исключительно къ законодательному присутствію госуд. совѣта; 3) раздѣлъ второй—«о департаментахъ и особыхъ присутствіяхъ; и 4) раздѣлъ третій—о госуд. канцеляріи.

Статья 9-я помѣщена въ раздѣлѣ первомъ, т. е. относится именно и исключительно къ законодательному присутствію госуд. совѣта. Такимъ образомъ, надо прійти къ тому выводу, что по точному и не допускающему сомнѣнія смыслу закона, члены госуд. совѣта, призванные къ присутствованію въ госуд. совѣтѣ, могутъ быть отъ этого уволены только по ихъ о томъ просьбѣ, другими словами, что эти члены госуд. совѣта пользуются несмѣняемостью.

Смыслъ статьи 11-й, требующей публикаціи состава членовъ госуд. совѣта, вполне ясенъ: это публикація во всеобщее извѣстіе состава высшаго госуд. установленія, которому желаютъ придать характеръ учрежденія представительнаго. Согласно ст. 151 пол. о выб. въ госуд. думу, списокъ членовъ думы публикуется сенатомъ во всеобщее свѣдѣніе. Ст. 11 учр. гос. совѣта устанавливаетъ то же требованіе и для членовъ гос. совѣта. При этомъ, въ виду наличности членовъ по назначенію, составъ госуд. совѣта можетъ подлежать постоянному измѣненію, и вмѣсто публикаціи, приуроченной, какъ для думы, къ окончанію общихъ выборовъ, публикація членовъ совѣта установлена періодическая, ежегодная.

Смыслъ этого постановленія вполне понятенъ. Для толкованія его въ томъ смыслѣ, чтобы эта публикація предполагала ежегодное обновленіе состава членовъ по назначенію, нѣтъ ни малѣйшаго основанія ¹⁾.

¹⁾ Неправильность установившагося порядка вещей повидимому сознается и правительствомъ и до нѣкоторой степени отражается на вступительныхъ словахъ именныхъ указовъ, опредѣляющихъ составъ «совѣта» и департаментовъ его. Указъ о составѣ департаментовъ начинается такъ: «На основаніи ст. 66 учр. гос. сов. въ составѣ совѣта состоятъ два департамента: первый и второй, образуемые ежегодно, согласно ст. 67 сего учр., изъ председателей и членовъ изъ числа членовъ гос. совѣта по высочайшему назначенію. Вслѣдствіе сего...» Указъ, опредѣляющій составъ «совѣта», начинается такъ: «На осн. ст. 9 учр. гос. сов., составъ

Признаніе членовъ гос. совѣта по назначенію, призванныхъ къ присутствію въ законодательномъ его собраніи, несмѣняемыми его членами, требуется не только прямымъ смысломъ закона, но и самымъ существомъ дѣла, и возможность ежегоднаго измѣненія состава совѣта къ 1 января должна была бы быть безусловно отвергнута по соображеніямъ не только политическимъ, но и чисто юридическимъ и въ томъ случаѣ, если бы законъ по этому вопросу вовсе не содержалъ никакихъ постановленій.

Въ законѣ не имѣется запрещенія того, чтобы 1 января приходилось посреди сессіи. Въ этомъ году оно такъ и происходитъ. Но не можетъ же составъ законодательнаго собранія измѣняться въ теченіе сессіи: нельзя законопроектъ подвергать первому чтенію въ одномъ составѣ палаты, а второму—въ другомъ. Можетъ ли гос. совѣтъ образовать комиссію для разработки какого либо вопроса, если онъ не знаетъ, не будутъ ли всѣ члены комиссіи исключены изъ его состава до конца сессіи¹⁾.

Въ еще болѣе настоятельной формѣ несмѣняемость членовъ гос. совѣта требовалась бы въ силу соображеній политическихъ, если бы она уже не была установлена закономъ.

Повсемѣстно члены верхнихъ палатъ, назначаемые королемъ, назначаются пожизненно, если не наследственно.

И это не является чѣмъ либо случайнымъ, но вытекаетъ изъ самаго существа дѣла. Для того, чтобы имѣть какой либо вѣсъ въ народѣ, въ общественномъ мнѣніи и для того, чтобы представлять какой либо противовѣсъ нижней палатѣ, верхняя должна обладать полною независимостью. Если бы члены верхней палаты находились въ полной зависимости отъ правительства, если бы народъ зналъ, что только цѣною исключительнаго героизма, въ членахъ верхнихъ палатъ вообще не предполагаемаго, они могутъ говорить что либо неугодное правительству, что всякая самостоятельность грозитъ члену верхней палаты потерю его положенія, то го-

лось верхней палаты не имѣлъ бы никакого вѣса, и самое существованіе ея безусловно утратило бы всякій смыслъ.

Стоитъ отмѣтить, что изъ всѣхъ формъ смѣняемости, наиболѣе тяжелою и создающею положеніе фактически и психологически наиболѣе зависимое, является именно необходимость ежегоднаго возобновленія назначенія. Смѣняемый чиновникъ, назначенный на неопредѣленное время, знаетъ, что его могутъ смѣнить; но для этого нуженъ особый актъ, особое распоряженіе, для изданія котораго нужна извѣстная рѣшимость смѣняющаго, извѣстное усиліе его воли, хотя бы для того, чтобы уволить сегодня, а не отложить этого до завтра. При ежегодномъ возобновленіи назначенія для того, чтобы устранить чиновника, надо только его не назначить, а это уже гораздо легче. И кромѣ того, вопросъ, назначать ли, самъ собою, въ силу закона, возникаетъ и ставится въ опредѣленные сроки.

Смыслъ нашего государственнаго совѣта, какъ и всякой палаты, состоящей, хотя бы и на половину, изъ членовъ по назначенію отъ правительства, состоитъ именно въ томъ, чтобы это правительство поддерживать. Но поддакиваніе чловѣка или собранія, относительно которыхъ общеизвѣстно, что они не поддакивать не смѣютъ, рѣшительно ничего не стоитъ.

Возможность оппозиціи въ палатѣ есть непремѣнное условіе для цѣнности ея поддержки.

Сила свода законовъ.

Удивительная судьба постигла нашъ сводъ законовъ. Онъ былъ изданъ со спеціальной цѣлью ввести въ наши законы опредѣленность и твердость, устранить ту неправду черную, которая въ значительной мѣрѣ обуславливалась крайне неудовлетворительнымъ состояніемъ всего нашего законодательства. Бѣда была не въ томъ только, что законы были плохи, но и въ томъ, что никто не зналъ точно, какіе у насъ, вообще—дѣйствуютъ законы. Главная задача свода и заключалась въ устранинн неопредѣленности и неизвѣстности, совершенно нетерпимыхъ въ этой области. Всѣ мѣры были приняты для того, чтобы цѣной весьма чувствительныхъ жертвъ, которыя при томъ ясно сознавались, добиться этой опредѣленности и общеизвѣстности. И несмотря на это, теперь, послѣ вѣковаго примѣненія свода, вопросъ о его силѣ все еще остается крайне спорнымъ.

Въ настоящее время вопросъ даже нѣсколько осложнился. Основные законы 20 февр. 1905 г., введя у насъ конституціонный образъ правленія, требуютъ разсмотрѣнія того же вопроса съ совершенно новой точки зрѣнія. Конечно, для тѣхъ, кто не признаетъ за сводомъ силы поло-

призываемыхъ къ присутствованію въ совѣтѣ членовъ по высочайшему назначенію опредѣляется высочайшей властью. Вслѣдствіе сего признали мы за благо назначить на 1908 г. къ присутствованію въ совѣтѣ... Такимъ образомъ въ указѣ, относящемся къ „совѣту“, въ мотивахъ не имѣется ссылки на годичность призванія членовъ совѣта къ присутствованію въ немъ; оно и понятно, ибо, въ противоположность статьѣ 67-ой, статья 9-ая, на которую ссылается указъ, призваніи къ присутствованію въ „совѣтѣ“, о годичности призванія не говорить ни слова, какъ не говорить и о томъ, чтобы назначеніе къ присутствованію, разъ состоявшееся, подлежало ежегодному возобновленію.

Редакція этихъ указовъ на 1 янв. 1907 и на 1 янв. 1908 была тождественною.

¹⁾ И въ 1907 г. и въ 1908 омъ исключено было очень немного членовъ; но это можно разсматривать, какъ простую случайность и коль скоро такая практика укрѣпится, то ничто не будетъ препятствовать тому, чтобы эти увольненія приняли и массовой характеръ.

жительного закона, вопрос о перемѣнѣ въ нашемъ государственномъ строѣ не имѣетъ особаго значенія. Но для тѣхъ, кто полагаетъ, что сводъ имѣетъ силу «положительного закона», для тѣхъ въ настоящее время возникаетъ новый вопросъ, въ какой мѣрѣ возможны новыя изданія свода законовъ при дѣйствіи конституціоннаго образа правленія. При этомъ однако, для всѣхъ, вопросъ сохранилъ все свое не только теоретическое, но и практическое значеніе. Вѣдь, помимо новыхъ изданій свода, старый сводъ въ теченіе, вѣроятно, еще не одного десятилѣтія сохранитъ значеніе сборника дѣйствующихъ законовъ.

Сравнительно значительный обмѣнъ мнѣній по этому вопросу, въ которомъ приняли участіе наши наиболѣе свѣдущіе юристы, выяснилъ многія стороны вопроса, но до сихъ поръ еще не создалъ единообразія въ его пониманіи.

Наиболѣе распространенное, такъ сказать, житейское толкованіе вопроса сводится къ признанію за сводомъ характера положительнаго закона. Этому взгляда хотя по соображеніямъ особаго рода держится проф. Петрожицкій¹⁾. Къ этому мнѣнію порой склонялась и склоняется практика сената. На прямо противоположной точкѣ зрѣнія стоитъ проф. Коркуновъ²⁾, совершенно отрицающій за сводомъ значеніе новаго закона. Гг. Лозина-Лозинскій³⁾ и Лазаревскій⁴⁾ признаютъ силу закона за сводомъ 1832 г. и отрицаютъ ее за послѣдующими его изданіями. Проф. Шершеневичъ, сопоставивъ всѣ мнѣнія за и противъ, остается въ нерѣшительности предъ этой трудной дилеммой⁵⁾. Проф. Цитовичъ, первоначально бывшій рѣшительнымъ сторонникомъ значенія свода какъ положительнаго закона⁶⁾, въ послѣднее время сталъ, повидимому, на прямо противоположную точку зрѣнія⁷⁾. Для насъ, однако, не столько интересно это разнообразіе мнѣній юристовъ въ настоящее время, какъ тѣ взгляды, которые господствовали въ эпоху составленія и обнародованія свода. Тамъ мы должны получить отвѣтъ на вопросъ, который не могъ не быть яснымъ и въ самый моментъ опубликованія свода.

И, дѣйствительно, вопросъ этотъ былъ совершенно ясно поставленъ самимъ Сперанскимъ, именно «долженъ ли онъ (сводъ) быть признаваемъ какъ законъ, или какъ руковод-

ство къ познанію законовъ»¹⁾. Остановливаясь на возможныхъ на этотъ вопросъ отвѣтахъ, Сперанскій говоритъ о трехъ предположеніяхъ: 1) или признать статьи свода единственнымъ основаніемъ для рѣшенія дѣлъ, или 2) признать статьи свода закономъ, но не единственнымъ, но дѣйствующимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ сомнѣній ни о существованіи закона, ни о смыслѣ его, какъ же скоро предстанетъ сіе сомнѣніе, то прибѣгать къ самому тексту закона и разрѣшать его предпочтительно по сему тексту. Или, наконецъ, 3) признать текстъ закона единственнымъ основаніемъ рѣшеній, а статьи свода считать токмо средствомъ совѣщательнымъ къ приисканію ихъ и познанію ихъ смысла. Сперанскій рѣшительно высказывается за второе предположеніе.

На обсужденіе государственнаго совѣта тѣ же вопросы, по распоряженію Государя, были поставлены въ нѣсколько измѣненной редакціи. Вопросы первый и третій остались почти безъ измѣненій, редакція второго вопроса болѣе сжатая и менѣе понятная (чтобы въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ можно было обращаться къ самому тексту закона). Наконецъ, включенъ еще и новый вопросъ четвертый, именно: признать ли въ теченіе нѣкотораго опредѣленнаго времени текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію, какъ онъ признается и нынѣ, но въ то же время постановить, чтобы вмѣстѣ съ нимъ приводимы были статьи свода, имъ соотвѣтствующія.

Эти измѣненія въ предположеніяхъ относительно возможной силы свода законовъ представляются характерными. Очевидно, мнѣніе Сперанскаго столкнулось съ авторитетными возраженіями, и самой постановкой вопроса было подготовлено рѣшеніе, противоположное тому, которое предполагалъ Сперанскій. И, дѣйствительно, государственный совѣтъ положилъ: «I. Сводъ законовъ издать нынѣ же и разослать во всѣ присутственныя мѣста. II. При семъ изданіи объявить, что Сводъ содержитъ въ себѣ одни дѣйствующія только нынѣ узаконенія и что черезъ два года, т. е. съ 1 января 1835 г. получить онъ исключительную силу закона». Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, утвержденнаго резолюціей Государя, въ манифестѣ 31 янв. 1833 г. о сводѣ законовъ сказано: «препровождая сіи законныя книги въ Правительствующій Сенатъ, постановляемъ нижеслѣдующія правила о силѣ ихъ и дѣйствіи: 1) Сводъ имѣетъ воспріять законную свою силу и дѣйствіе съ 1 янв. 1835 г.: 2) законная сила Свода имѣетъ тогда состоять въ приложеніи и приведеніи статей его въ дѣлахъ правительственныхъ и судебныхъ и вслѣдствіе того во всѣхъ тѣхъ слу-

¹⁾ Теорія права т. II, стр. 618 сл.

²⁾ Значеніе Свода Законовъ. Напечатано въ Жур. нар. проsv., сент. 1894 г., и въ сборникѣ его статей.

³⁾ Журн. мин. юст. 1897 г. № 4—5.

⁴⁾ „Право“ 1899 г. ст. 1681 и сл..

⁵⁾ Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи, стр. 99.

⁶⁾ Курсъ гражданскаго права.

⁷⁾ Ср. Питейная монополія помѣщиковъ Польши, стр. 303.

¹⁾ Статья Сперанскаго „О силѣ и дѣйствіи Свода“, опубликованная въ Архивѣ историческ. и практическ. свѣдѣній 1859 г., кн. 6-я.

чаяхъ, гдѣ прилагаются и приводятся законы и гдѣ или составляются изъ нихъ особыя выписки, или же указывается токмо ихъ содержаніе, вмѣсто того прилагать, приводить и дѣлать указанія и ссылки на статьи Свода, дѣлу приличныя».

Намъ думается, что вопросъ о силѣ и значеніи свода совершенно исчерпывается этими постановленіями. Обязательность манифеста 31 янв. не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, и содержаніе этого манифеста, вполне при томъ соответствующаго высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, не возбуждаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вопросъ можетъ слѣдовательно заключаться въ томъ, не должны ли мы, вопреки эт. му мнѣнію государственнаго совѣта и манифесту, придти къ иному выводу. Намъ представляется, однако, что изученіе деталей дѣла составленія свода законовъ должно укрѣпить насъ въ убѣжденіи о совершенной правильности толкованія, основаннаго на буквальномъ содержаніи манифеста 31 января.

Одно то обстоятельство, что Сперанскій держался иного мнѣнія и что слѣдовательно вопросъ былъ рѣшенъ вопреки его желанію, свидѣтельству о томъ, что тутъ не было случайности, простого недосмотра. Это вполне подтверждается исторіей утвержденія журнала засѣданія государственнаго совѣта¹⁾. Въ журналѣ мнѣніе государственнаго совѣта о силѣ свода законовъ было изложено въ качествѣ единогласнаго мнѣнія. Противъ этого послѣдовало возраженіе со стороны 19 членовъ (изъ 32), которые заявили, что слова «разослать сводъ во всѣ присутственныя мѣста» понимались въ томъ смыслѣ, чтобы разослать къ руководству, по полученіи свода, совокупно съ существующими законами. Объ этомъ разногласіи былъ составленъ особый журналъ, на которомъ государь положилъ слѣдующую резолюцію: «журналъ составленъ совершенно правильно, согласно моимъ намѣреніямъ, въ совѣтѣ изложеннымъ. Сводъ разсылается нынѣ же, какъ положительный законъ, котораго исключительное дѣйствіе начнетъ съ 1 янв. 1835 г.».

Такимъ образомъ, не только буквальный текстъ закона, но и совершенно ясная мысль законодателя была направлена именно на то, чтобы придать своду силу закона, исключающаго дѣйствіе всѣхъ тѣхъ законовъ, которые были положены въ основу свода. Намъ думается, что случай этотъ годился бы даже и въ качествѣ школьнаго примѣра того, какъ текстъ закона можетъ находиться въ полной гармоніи съ мотивами законодателя, несмотря на всю трудность и спорность вопроса съ точки зрѣнія законодательной политики.

И однако, несмотря на это, вопросъ о силѣ свода законовъ остается спорнымъ до настоящаго времени¹⁾.

¹⁾ См. Н. Коркуновъ, Значеніе свода законовъ и Майковъ, Второе отдѣленіе 188 стр.

²⁾ Значительное количество кодификаціонныхъ ошибокъ, съ которыми столкнулась судебная практика, собрано въ статьѣ г. Лозина-Лозинскаго въ Журн. Минист. Юстиціи 1897 г. № 5 стр. 133 и сл.

Далѣе всѣхъ въ отрицаніи силы за сводомъ законовъ пошелъ проф. Коркуновъ въ выше цитированной своей статьѣ о сводѣ законовъ. Несмотря на крайне рѣшительный тонъ полемики, аргументація автора отличается чрезвычайной слабостью. Проф. Коркуновъ полагаетъ, что такъ какъ сводъ законовъ преслѣдовалъ задачу въ новой формѣ дать старые законы, такъ какъ соответственно этимъ цѣлямъ Сперанскій не предполагалъ дать своду силу, исключающую дѣйствіе законовъ, въ сводѣ введенныхъ, то, очевидно, эта сила не можетъ быть признана за сводомъ. Но остается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ Коркуновъ не считается вовсе съ манифестомъ 31 янв. 1833 г., совершенно при томъ согласнымъ и съ мнѣніемъ государственнаго совѣта. Неудачна и ссылка Коркунова на негласныя ревизіи, которыя были предприняты уже послѣ распубликованія свода. Ревизія съ цѣлью исправленія можетъ быть предпринимаема и по отношенію къ законамъ. Мало того, именно по отношенію къ законамъ такая ревизія представляется особенно важной. И то обстоятельство, что ревизію эту рѣшено было производить негласно, свидѣтельству именно о томъ, что правительство не желало подрывать законодательнаго авторитета свода.

Г. Лозина-Лозинскій, которому принадлежит наиболѣе обстоятельная критическая работа о значеніи свода законовъ, и Н. И. Лазаревскій, сходясь съ проф. Коркуновымъ въ отрицательномъ отношеніи къ своду, тѣмъ не менѣе совершенно расходятся съ нимъ въ признаніи за первымъ сводомъ силы закона. Наоборотъ, по вопросу о значеніи какъ продолженій къ своду законовъ, такъ и слѣдующихъ его изданій они раздѣляютъ его отрицательный взглядъ. Г. Лозина-Лозинскій говоритъ, что эти кодификаціонныя изданія обладаютъ лишь той силой, которая принадлежит узаконеніямъ, легшимъ въ основаніе ихъ текста¹⁾. Г. Лазаревскій утверждаетъ, что сводъ, являясь перепечаткой и канцелярской переработкой текста подлинныхъ узаконеній, обязателенъ лишь, поскольку онъ согласенъ съ этимъ текстомъ²⁾. Мы думаемъ, однако, что мнѣніе это не является въ достаточной мѣрѣ обоснованнымъ.

Г. Лозина-Лозинскій даетъ намъ правильный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ отрицательнаго отношенія большинства юристовъ и нашей судебной практики къ значенію свода законовъ. Онъ указывалъ, что мнѣнія эти «проникнуты опредѣленною тенденціей, не миравшейся съ существующимъ ненормальнымъ положеніемъ, въ силу котораго законодательные акты примѣнялись только въ теченіе непродолжительнаго времени послѣ ихъ изданія по ихъ подлинному тексту, а затѣмъ поступаютъ въ кодификаціонную переработку и включаются въ продолженіе

¹⁾ Жур. Мин. Юст. 1897 г. № 5, стр. 132.

²⁾ „Право“ 1899 г., стр. 1687.

къ своду, текстъ котораго и предлагается для всеобщаго употребленія». Мы не отрицаемъ, что въ такомъ порядкѣ имѣются серьезныя неудобства, серьезныя опасности. Но вѣдь онѣ были совершенно очевидны и Сперанскому въ моментъ выработки свода. Онъ указывалъ на неудобство такого порядка, заключающіяся въ томъ, что «если паче чаянія въ сводѣ пропущенъ или измѣненъ будетъ законъ, или какое либо распоряженіе закона, повидимому, маловажное, но для частнаго лица въ защиту его правъ служащее, тогда право, закономъ ему данное, сводомъ будетъ нарушено, онъ можетъ потерпѣть ущербъ отъ того единственно, что форма закона измѣнилась»¹⁾. Можно раздѣлять въ полной мѣрѣ эти опасенія Сперанскаго, можно, наоборотъ, находить, что невыгоды этого положенія въ полной мѣрѣ искупаются тѣми преимуществами, которыя представляетъ опредѣленность закона въ каждый данный моментъ, хотя бы и купленная цѣной колебанія нѣкоторыхъ правъ; во всякомъ случаѣ, одно представляется несомнѣннымъ: когда законодатель, не смотря на эти предостерегающія соображенія, все же рѣшается придать своду значеніе положительнаго источника права, нельзя болѣе ссылаться на опасность такого положенія, какъ доказательство того, что его вовсе и нѣтъ.

Притомъ аргументація эта, понятная въ устахъ проф. Коркунова, теряетъ много въ своемъ значеніи, когда она повторяется М. А. Лозина-Лозинскимъ и Н. И. Лазаревскимъ. Коркуновъ отрицаетъ за сводомъ значеніе положительнаго закона. Понятно, что мнѣніе это въ значительной мѣрѣ подкрѣпляется указаніемъ на опасность такого значенія свода. Но когда признается исключительное значеніе перваго свода законовъ и отрицается только такое же значеніе за послѣдующими продолженіями къ нему, то, во первыхъ, возраженіе это теряетъ свое принципиальное значеніе, а во-вторыхъ,—что еще важнѣе—вмѣстѣ съ такимъ толкованіемъ создаются еще и новыя трудности, отнюдь не легко преодолѣмыя, именно, въ случаѣ расхожденія первоначальнаго текста закона и той его формы, въ которой онъ попадаетъ затѣмъ въ сводъ, приходится заниматься изслѣдованіемъ того, когда произошло это расхожденіе: если въ первомъ изданіи свода, то оно обязательно, если въ послѣдующихъ его изданіяхъ, то дѣйствуетъ первоначальный сводъ.

Намъ представляется поэтому единственнымъ юридическимъ доводомъ противъ значенія свода какъ положительнаго закона, ссылка на наши основные законы какъ она формулирована г. Лозина-Лозинскимъ. Онъ говоритъ, что, по силѣ этихъ законовъ, законы должны быть исполняемы не иначе, какъ по точному и буквальному своему смыслу, дѣйствіе же закона сохраняется,

пока онъ не будетъ отмѣненъ силою новаго, а новый законъ постановляется не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Далѣе, авторъ продолжаетъ, что правила объ употребленіи кодификаціонныхъ изданій не имѣли въ виду измѣнять или ослаблять установленный въ сводѣ порядокъ изданія, отмѣны и измѣненія законовъ и что этотъ порядокъ не допускаетъ возможности изданія, отмѣны и измѣненія законовъ въ кодификаціонномъ порядкѣ¹⁾. Но тутъ авторъ утверждаетъ, какъ доказанное, именно то, что еще надо доказать. Несомнѣнно, что по смыслу основныхъ законовъ сводъ не долженъ былъ бы издаваться въ кодификаціонномъ порядкѣ, вопросъ только въ томъ, не созданъ ли у насъ особый кодификаціонный порядокъ, вопреки основнымъ законамъ, но, тѣмъ не менѣе способомъ, дѣлающимъ его обязательнымъ. Помощью аргументовъ, не оставляющихъ мѣста для сомнѣнія, какъ г. Лозина-Лозинскій, такъ и г. Лазаревскій доказали, что, во всякомъ случаѣ, для перваго свода этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Такое рѣшеніе слѣдовательно возможно, несмотря на ясный смыслъ основныхъ вопросовъ. И все сводится лишь къ тому, такъ же ли обстоитъ дѣло и по отношенію къ послѣдующимъ изданіямъ свода. И мы полагаемъ, вопреки мнѣнію, которое является въ настоящее время господствующимъ, что съ формальной точки зрѣнія нѣтъ никакихъ основаній проводить различіе между сводомъ законовъ 1832 г. и послѣдующими его изданіями.

Какъ на это было совершенно правильно указано проф. Коркуновымъ, и первое изданіе свода было рассмотрѣно не въ законодательномъ, но въ кодификаціонномъ порядкѣ. Вѣдь сводъ былъ внесенъ въ государственный совѣтъ вовсе не для обсужденія его по существу. Задача государственнаго совѣта была ограничена рассмотрѣніемъ вопроса о силѣ свода, но отнюдь не о его содержаніи.

Какъ не безъ ядовитости писалъ одинъ изъ современниковъ, «за день предъ слушаніемъ сего свода въ государственномъ совѣтѣ розданы были членамъ его экземпляры онаго для предварительнаго рассмотрѣнія и дачи мнѣнія. Естественно, что въ такое короткое время невозможно было сдѣлать основательнаго о такомъ важномъ и обширномъ трудѣ заключенія и такими лицами, которыя имѣли бы гораздо лучшія и научныя о законодательствѣ свѣдѣнія, нежели теперешніе члены государственнаго совѣта»²⁾.—И дѣло тутъ не только въ томъ, что государственный совѣтъ фактически не могъ рассмотреть свода законовъ,—бываетъ, что и парламентъ по существу не разсматриваетъ сложныхъ законодательныхъ актовъ,—а въ томъ, что и формально государственный совѣтъ не раз-

1) „Архивъ историч. и практическ. свѣдѣній, 1859 г. кн. 6, стр. 3.

1) Журн. Мин. Юст. 1895, кн. 5, стр. 128.

2) Майковъ, О сводѣ законовъ, стр. 52.

смастривалъ и не утверждалъ свода законовъ. И тотъ же порядокъ примѣнялся и при послѣдующихъ изданіяхъ свода не только по существу, но и съ формальной точки зрѣнія. Онъ издавался при высочайшихъ указахъ правительствующему сенату такъ, какъ былъ изданъ и сводъ 1832 г., причѣмъ въ манифестѣ всегда указывается, что новое изданіе общаго свода законовъ изготовлено подѣ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и руководствомъ государя. Правда, это новое изданіе не было внесено въ государственнѣйшій совѣтъ, но вѣдь для законодательнаго пути важенъ не самый фактъ внесенія, но цѣль внесенія. Мы видѣли, что и первое изданіе было внесено не для разсмотрѣнія, но исключительно для обсужденія вопроса о силѣ свода законовъ. Слѣдовательно, не только приготовленіе его происходило помимо государственнаго совѣта и его канцеляріи, но и въ томъ актѣ, который влечетъ за собой его санкцію, государственный совѣтъ никакого участія не принималъ. Онъ получилъ нѣчто совершенно готовое и долженъ былъ обсудить одинъ только вопросъ: какую силу должно получить это нѣчто совершенно законченное. Нужно ли доказывать, что это не есть обсужденіе свода и что, слѣдовательно, изготовленный помимо участія государственнаго совѣта, санкціонированный высочайшимъ манифестомъ, сводъ законовъ не прошелъ чрезъ государственный совѣтъ, но былъ приготовленъ канцелярскимъ способомъ и получилъ силу вслѣдствіе высочайшаго манифеста, т. е. получилъ силу такимъ же образомъ, какимъ сообщалась сила и послѣдующимъ изданіямъ свода. Коркуновъ изъ порядка утвержденія перваго свода дѣлаетъ выводъ, что онъ не имѣетъ силы закона. Гг. Лозина-Лозинскій и Лазаревскій совершенно правильно установили, что выводъ этотъ невѣрный. Но въ такомъ случаѣ непонятно, почему они изъ порядка изданія слѣдующихъ сводовъ дѣлаютъ выводъ о томъ, что они лишены силы закона.

Выводъ г. Лозина-Лозинскаго и г. Лазаревскаго о силѣ свода 1832 г. основанъ на содержаніи манифеста 31 янв. 1832 г.

Мы отмѣчали выше ту резолюцію Николая I на журналѣ государственнаго совѣта 19 января 1833 г., въ которой многіе усматриваютъ основаніе того, что сводъ есть положительный законъ. Н. И. Лазаревскій рѣшительно возстаѣтъ противъ мнѣнія, будто резолюція эта можетъ быть отнесена не только къ своду изд. 1832 г., но и къ послѣдующимъ его изданіямъ. Мы не можемъ согласиться съ правильностью тѣхъ возраженій, которыя имъ по этому поводу дѣлаются ¹⁾. Соображеніе автора, что

¹⁾ Н. И. Лазаревскій полагаетъ, что такое толкованіе означало бы, что Императоръ Николай за себя и за своихъ правопреемниковъ постановилъ, что въ дѣлѣ законодательства воля ихъ будетъ дѣйствовать съ тѣми ограниченіями или съ тѣми измѣненіями, которыя въ приказанія, отъ монарха исхо-

такъ какъ резолюція Государя противорѣчитъ п. VI закона 12 дек. 1834 г., то она должна считаться утратившей силу для кодификаціонныхъ изданій послѣ 1834 г., представлялось бы само по себѣ правильнымъ, если бы все сводилось именно къ этой резолюціи и кромѣ нея мы не имѣли бы другого акта, отъ верховной власти исходящаго и опредѣляющаго силу свода законовъ. Въ дѣйствительности эта резолюція во все не была предназначена къ тому, чтобы разрѣшить этотъ вопросъ. Она разрѣшила лишь спорный вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ журналъ государственнаго совѣта составленъ правильно.

Другихъ цѣлей резолюція эта не преслѣдовала и преслѣдовать не могла, такъ какъ, согласно п. IV мнѣнія государственнаго совѣта, департаментъ законовъ долженъ былъ разсмотрѣть «проектъ манифеста, при коемъ сводъ законовъ имѣетъ быть изданъ». Такимъ образомъ, весь этотъ журналъ являлся лишь матеріаломъ для выясненія смысла манифеста, но законодательная санкція заключается не въ резолюціи, на этомъ журналѣ подписанной, но именно въ этомъ манифестѣ. Мы уже видѣли выше, что «сила и дѣйствіе законовъ книгъ», какъ названъ сводъ въ этомъ манифестѣ, заключается именно въ томъ, что впредь должны примѣняться статьи свода, совершенно очевидно примѣняться въ редакціи свода, а не въ первоначальной редакціи этихъ статей. Но тотъ же манифестъ совершенно ясно опредѣляетъ, какъ намъ кажется, и значеніе послѣдующихъ изданій свода законовъ.

Мы думаемъ, выводъ этотъ неизбеженъ уже по одному тому, что такъ какъ послѣдующія изданія свода входили въ самый планъ и перваго его изданія, то разъ прямо не указано, что послѣдующія изданія будутъ имѣть другую силу, нежели первое, такой выводъ, явно ненормальный, не можетъ презумироваться. Но мало того, мы полагаемъ, что самый текстъ манифеста даетъ всѣ основанія утверждать, что такъ именно и понимался вопросъ законодателемъ. Именно, въ манифестѣ прямо указывается, что «все, что послѣ 1 января 1832 г. состоялось или что по общему движенію законодательства впредь состоится, будетъ по порядку тѣхъ же книгъ... распредѣляемо въ ежегодномъ сводѣ продолженій и такимъ образомъ составъ законовъ, единожды устроенный, сохранится всегда въ полнотѣ его и единствѣ».

Мы думаемъ, трудно болѣе рѣшительно и ясно

дѣяція, будутъ внесены кодификационными учрежденіями, но въ резолюціи этой нѣтъ отказа отъ своихъ законодательныхъ прерогативъ, но только устанавливается значеніе изданій, подѣ вѣдѣніемъ и руководствомъ государя издаваемыхъ, а это совмѣстимо съ самодержавной и неограниченной властью монарха, которая и по установленіи такого порядка остается властью самодержавной и неограниченной.

выразить ту мысль, что всѣ послѣдующія изданія свода законовъ должны представлять одно цѣлое съ этимъ первымъ его изданіемъ. А это возможно при томъ только условіи, если сила статей, какъ изъ перваго свода взятыхъ, такъ и впервые въ новыя изданія внесенныхъ, будетъ одна и таже.

И совершенно то же самое вытекаетъ и изъ послѣдующихъ манифестовъ, при коихъ обнародовались дальнѣйшія изданія. Въ манифестѣ 4 марта 1843 г. указывается раньше всего, что новое изданіе приготовлено «подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и руководствомъ» государя. Значеніе этого свода ясно опредѣляется словами манифеста: «отнынѣ впредь... ссылатся въ дѣлахъ, вмѣсто статей перваго изданія свода законовъ и продолженій его, на статьи изданія 1842 г.» Едва ли необходимо доказывать, что здѣсь рѣчь идетъ не просто о вопросѣ, какимъ образомъ цитировать законъ, но въ какой редакціи его примѣнять, иначе было бы непонятно, почему принимаются столь рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы даже и частныя лица въ прошеніяхъ своихъ послѣ 1 января 1844 г. не имѣли права дѣлать ссылки иначе какъ на сводъ 1844 г.

Но если бы по этому поводу могли оставаться еще какія-либо сомнѣнія, то они совершенно разсѣиваются при ознакомленіи съ п. 3 этого манифеста. Въ немъ говорится: «по дѣламъ и случаямъ, которые, относясь къ прошедшему времени, должны быть судимы и разрѣшаемы не по настоящимъ, а по дѣйствующимъ въ то время законамъ, приводить приличествующія къ тѣмъ случаямъ и дѣламъ статьи свода изданія 1832 г. и продолженій онаго, или особыя не вошедшія въ нихъ постановленія, по принадлежности»... Очевидно, если бы сводъ законовъ 1843 г. не могъ вносить измѣненій въ законы, до него дѣйствовавшіе и на основаніи которыхъ сводъ и былъ составленъ, то для такого пункта не было бы рѣшительно никакихъ основаній. Только возможность измѣненія закона посредствомъ своднаго изданія заставляла законодателя предписывать рѣшать старыя дѣла не на основаніи новаго свода.

Въ связи съ этимъ надо указать еще одно соображеніе, которое обычно приводится въ качествѣ возраженія противъ значенія свода какъ положительнаго закона. Въ манифестѣ 31 января 1832 г. указывается, что «сводъ законовъ ничего не измѣняетъ въ силѣ и дѣйствіи ихъ, но приводитъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ»¹⁾. Указываютъ въ словахъ этихъ про-

тиворѣчіе съ тѣмъ положеніемъ, въ силу котораго своду придано значеніе положительнаго закона. Противорѣчіе тутъ несомнѣнное, но при выясненіи того, чему надо отдать предпочтеніе, приходится имѣть въ виду, что этотъ пунктъ манифеста о значеніи свода, какъ новой формы старыхъ законовъ, имѣетъ значеніе характеристики свода, которая сама по себѣ еще не опредѣляетъ силы его. Установивъ въ томъ же манифестѣ, что съ 1 января 1835 г. дѣйствуетъ только сводъ, и исключивъ ссылки на старые законы, законодатель установилъ дѣйствіе статей свода совершенно независимо отъ того, являются ли онѣ новой формой старыхъ законовъ, или же вводятъ какія-либо новшества.

Мы видѣли, что, предписавъ къ старымъ дѣламъ примѣнять старые законы не по своду, законодатель тѣмъ самымъ призналъ, что въ сводѣ могутъ быть новые законы не только по формѣ, но и по существу. И это не случайная обмолвка. Не слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, злоупотреблять этой фразой о томъ, что въ сводѣ мы имѣемъ только новую форму старыхъ законовъ. Конечно, въ общемъ сознавалась необходимость не вводить новшествъ, но вѣдь, очевидно, что это была совершенно неосуществимая программа.

Какъ совершенно правильно указалъ С. А. Муромцевъ, кодификація, хотя бы и преслѣдующая одну только формальную задачу перенесенія текста закона со страницъ собранія узаконеній на страницы свода, не касаясь ни смысла, ни значенія постановленій, однако въ дѣйствительности ведетъ къ самымъ серьезнымъ измѣненіямъ закона, какъ объ этомъ лучше всего свидѣлствуетъ исторія русскихъ кодификаціонныхъ работъ.

Но мало того, къ осуществленію этой программы серьезно вовсе и не стремились. Совершенно правильно указалъ въ той же статьѣ С. А. Муромцевъ, что лѣтопись кодификаціонныхъ учрежденій знаетъ случаи, когда въ основу переработки сознательно полагалась та или другая тенденція въ соотвѣтствіи съ господствующимъ духомъ времени. Мы не станемъ приводить второстепенныхъ тому примѣровъ, напомнимъ хотя бы, что уложенія гражданскія и торговыя были результатомъ именно такой сознательной переработки нашихъ законовъ.

Понятно, вопросъ о значеніи кодификаціонныхъ изданій кореннымъ образомъ измѣнился послѣ введенія у насъ конституціи. Правда, никакой новый законъ не коснулся вопроса о значеніи и самой возможности такого рода изданій, но послѣ того какъ ст. 7 осн. зак. установила, что «государь императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ государственнымъ совѣтомъ и государственной думой», а ст. 86 установила, что «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія государственнаго совѣта и государственной думы и воспріять силу безъ утвержденія Государя Императора», не могъ оставаться допусти-

¹⁾ Намъ кажется поэтому, что Н. И. Лазаревскій неправильно ссылается на слова зак. 12 декабря 1834 г.: «сводъ не постановляетъ законовъ вновь, но есть только составъ законовъ существующихъ» въ доказательство того, что послѣдовательное проведеніе первоначальнаго взгляда законодателя нашего на сводъ, какъ на положительный законъ, наткнулось на рядъ практическихъ затрудненій, и законодательство въ этомъ законѣ и вынуждено было отъ него отказаться; мысль, выраженную въ этихъ словахъ, мы находимъ и въ манифестѣ 1834 г.

мымъ такой способъ изданія законовъ, при которомъ законъ, въ порядкѣ ст. 86 изданный, могъ оказаться измѣненнымъ въ порядкѣ кодификаціонномъ.

Поэтому, съ момента введенія въ наше законодательство этого новаго начала, не можетъ быть болѣе рѣчи о значеніи новыхъ изданій свода и продолженій къ нему какъ положительнаго закона.

Мы полагаемъ поэтому, что и сводное продолженіе, обнимающее собой узаконенія, послѣдовавшія до 1 іюля 1906 г., тоже лишено значенія положительнаго закона и этимъ отличается отъ всѣхъ предыдущихъ изданій.

Но, конечно, этимъ еще не предрѣшается вопросъ о томъ, необходимо ли, вообще, продолженіе дѣятельности нашихъ кодификаціонныхъ учреждений и новыя изданія свода.

На страницахъ «Права» по этому поводу высказались, и притомъ въ прямо противоположномъ смыслѣ С. А. Муромцевъ ¹⁾ и М. Б. Горенбергъ ²⁾. Первый авторъ находитъ, что дальнѣйшія изданія законовъ кодификационными учреждениями не должны носить характера переработки законовъ, что необходимо лишь въ соотвѣствующихъ мѣстахъ отмѣчать тѣ перемѣны, которыя произошли вслѣдствіе изданія новыхъ законовъ. Авторъ, другими словами, предлагаетъ тотъ порядокъ, который установленъ на Западѣ, однако, съ болѣе активнымъ отношеніемъ со стороны правительства, но уже дѣйствующаго не *ratione imperii*, но *imperio rationis*. Иного мнѣнія г. Горенбергъ. Онъ полагаетъ, что по существу кодификационную работу приходилось бы продѣлывать каждому, примѣняющему законъ, а потому гораздо лучше довѣрить этотъ трудъ специальному учрежденію. При томъ авторъ полагаетъ, что опасность тѣхъ измѣненій, которыя протерпитъ законъ вслѣдствіе кодификаціонной работы, вовсе не такъ велика, если имѣть постоянно въ виду, что аутентическимъ текстомъ закона является тотъ, который напечатанъ въ собраніи узаконеній. Соображенія автора представляются, однако, намъ недостаточно убѣдительными. И намъ кажется, что именно тотъ вопросъ, который послужилъ для автора поводомъ къ тому, чтобы высказаться о необходимости новыхъ кодификационныхъ работъ, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, въ какой мѣрѣ авторъ не оцѣниваетъ въ достаточной мѣрѣ тѣхъ опасностей, съ которыми связана эта работа по самому своему существу. Относительно, казалось бы, простаго вопроса о контрассигнатурѣ министровъ вопросъ о томъ, какія изъ старыхъ статей свода подлежали сохраненію и какія исключенію, вызываетъ горячій споръ между авторомъ и другимъ государствовѣдомъ Н. И. Лазаревскимъ. И

¹⁾ Предстоящее сокращеніе „кодификаціонной“ разработки текущаго законодательства“ № 37.

²⁾ Къ вопросу о контрассигнатурѣ и отвѣтственности министровъ, № 44.

вотъ вопросъ этотъ, по мнѣнію М. Б. Горенберга, долженъ быть рѣшенъ въ кодификаціонномъ порядкѣ! Не значить ли это понижать высоту дѣятельности судей, науки? Весьма слабымъ утѣшеніемъ можетъ служить то соображеніе, что аутентическимъ текстомъ является тотъ, который напечатанъ въ собраніи узаконеній. Авторитетъ свода столь великъ, привычка справляться съ нимъ, и только съ нимъ, такъ въ насъ всѣхъ глубоко укоренилась, что одного факта внесенія въ сводъ будетъ совершенно достаточно для того, чтобы надолго, если не навсегда, сдѣлать невозможнымъ возстановленіе первоначальнаго текста закона. М. Б. Горенбергъ ссылается на вѣковую практику свода законовъ.

Проф. Петражицкій, ссылаясь именно на эту практику, держится того взгляда, что сводъ законовъ является положительнымъ закономъ. Хотя иномъ здѣсь, какъ и вообще въ области права является народная правовая психика, а она относится къ своду какъ къ самостоятельному законодательству, замѣнившему законы прежняго времени» ¹⁾.

Намъ кажется, что эта вѣковая практика частью говоритъ противъ его предложенія. Именно потому, что у насъ сложилась твердая практика считать сводъ настоящимъ закономъ теперь, когда сводъ законовъ не можетъ болѣе имѣть стараго авторитета, продолжать эту практику значило бы содѣйствовать укорененію взглядовъ, съ которыми во имя конституціонныхъ принциповъ необходимо бороться.

Конечно, согласованіе новаго закона со всѣмъ старымъ законодательствомъ представляется дѣломъ весьма труднымъ. Но для этого существуетъ иной способъ, отнюдь не официальной кодификаціи, являющейся искаженіемъ первоначальнаго текста закона. Одновременно съ новымъ закономъ издается вводный законъ, имѣющій своей задачей именно такое согласованіе. Въ этомъ законѣ указываются и тѣ старые законы, которые подлежатъ отмѣнѣ, и тѣ перемѣны, которыя съ нимъ связаны. Такія статьи имѣются и во многихъ нашихъ законахъ.

Мы совершенно согласны и съ тѣмъ, что особенно у насъ въ виду низкаго уровня образованія, важны официальные изданія, дающія не только текстъ закона, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ послѣдующія къ нему измѣненія. Мы готовы согласиться и съ тѣмъ, что такой трудъ можетъ не всегда оказаться подъ силу частной инициативѣ, но для этого нѣтъ тоже никакой надобности въ специальномъ изданіи свода законовъ. Это могутъ дѣлать или подлежащія вѣдомства, которыя справляются съ этой работой, когда находятъ въ томъ надобность, (напомнимъ хотя бы изданіе избирательнаго закона министерствомъ внутреннихъ дѣлъ), или, пожалуй, можно было бы для этого имѣть и специальный отдѣлъ хотя бы при министерствѣ юстиціи или въ качествѣ самостоятельнаго учрежденія. Но мы на-

¹⁾ Теорія права т. II стр. 623.

стаиваемъ на одномъ: кодификація законовъ въ смыслѣ измѣненія ихъ внѣшняго вида несовмѣстима съ конституціоннымъ режимомъ. Работа эта должна обязательно получить санкцію законодательныхъ собраний, а это работа мало подходящая для законодательныхъ палатъ.

Намъ кажется, что, во всякомъ случаѣ, дѣло кодификаціи въ такой мѣрѣ осложнилось и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это въ такой мѣрѣ важное дѣло, что необходимо его разрѣшеніе законодательнымъ путемъ.

А. Каминка.

Семейные раздѣлы крестьянъ и законъ 5-го октября 1906 г.

Изданный въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ въ междудумское время высочайшій указъ отъ 5-го октября 1906 г. «объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и т. д.» отмѣнилъ, между прочимъ, ст. ст. 38—46 общ. пол. о крест. (св. зак. т. IX особ. прил. изд. 1902 г.), регулировавшія до тѣхъ поръ семейные раздѣлы среди крестьянъ. Согласно этимъ отмѣненнымъ статьямъ, семейные раздѣлы среди крестьянъ, владѣющихъ надѣльными участками земли на общинномъ правѣ, могли происходить лишь съ согласія домохозяина (т. е. родителя или, такъ наз., «большака») при разрѣшеніи на то сельского схода и, кромѣ того, были обставлены цѣлымъ рядомъ другихъ ограничительныхъ условий. Но, отмѣнивъ дѣйствіе ст. ст. 38—46 общ. пол., высочайшій указъ 5-го октября 1906 г. не упоминаетъ среди отмѣненныхъ имъ статей о ст. 62 п. 7 общ. пол., относящей къ предмету вѣдѣнія сельского схода, между прочимъ, и разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ. Въ виду такого противорѣчія между отмѣной, съ одной стороны, ст. ст. 38—46 общ. пол. и неупоминаніемъ въ высочайшемъ указѣ 5-го октября 1906 г. ничего о п. 7 ст. 62 общ. пол., въ практикѣ крестьянскихъ учрежденій естественно возникъ вопросъ о силѣ и значеніи въ настоящее время ст. 62 п. 7 общ. пол. Необходимо ли нынѣ послѣ выс. указа 5-го окт. 1906 г. доводить до свѣдѣнія и испрашивать разрѣшеніе сельского схода на совершеніе семейныхъ раздѣловъ? Практика въ этомъ отношеніи начинается вырабатываться различная: нѣкоторые уѣздные сѣзды считаютъ, что высочайшій указъ 5-го окт. 1906 г. освободилъ совершеніе семейныхъ раздѣловъ отъ предварительнаго разрѣшенія общества (а потому п. 7 ст. 62, хотя и неупоминаемый въ указѣ 5-го октября, долженъ, по ихъ мнѣнію, считаться утратившимъ силу по существу); другіе же уѣздные сѣзды, напротивъ того, считая, что лишь порядокъ семейныхъ раздѣловъ, изложенный въ ст.

ст. 38—46 общ. пол., отмѣненъ выс. указомъ 5-го окт. 1906 г., находятъ, что п. 7 ст. 62 долженъ считаться сохранившимъ свое дѣйствіе, и необходимымъ условіемъ совершенія семейныхъ раздѣловъ по прежнему является разрѣшеніе на то сельского схода.

Съ перваго взгляда можетъ, дѣйствительно, казаться, что отмѣна ст. ст. 38—46 общ. пол., изданныхъ въ видѣ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 18-го марта 1886 года, еще нисколько не затрагиваетъ п. 7 ст. 62 общ. пол., такъ какъ послѣдній пунктъ ¹⁾ существовалъ и до изданія правилъ о семейныхъ раздѣлахъ 1886 г. (составившихъ ст. ст. 38—46 общ. пол. изд. 1902 г.) и, поэтому, будучи отъ нихъ независимъ, можетъ сохранить силу и послѣ ихъ отмѣны. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи это соображеніе должно быть признано лишеннымъ основанія, и п. 7 ст. 62 общ. пол. долженъ считаться послѣ выс. указа 5-го окт. 1906 г. утратившимъ силу.

Съ формальной стороны неупоминаніе въ указѣ 5-го окт. 1906 г. относительно п. 7 ст. 62 общ. пол. еще не служитъ аргументомъ въ пользу того, что законодатель хотѣлъ оставить выраженную въ немъ норму права въ силѣ. *Lex posterior derogat priori*, т. е. если позднѣйшій законъ, регулируя ту же матерію, что и предыдущій, по содержанию своему несовмѣстимъ съ нимъ, — то этимъ самымъ старый законъ долженъ считаться утратившимъ силу, хотя бы объ этомъ не было особаго упоминанія въ новомъ законѣ. Въ виду этого для рѣшенія вопроса о силѣ п. 7 ст. 62 общ. пол. необходимо разсмотрѣть, насколько содержаніе указа 5-го октября 1906 года, въ цѣломъ и въ части (VIII, а), касающейся семейныхъ раздѣловъ, совмѣстимо съ оставленіемъ за сельскимъ сходомъ права допускать или не допускать семейныхъ раздѣловъ крестьянъ.

При внимательномъ разсмотрѣніи текста правилъ 18-го марта 1886 г. (ст. ст. 38—46 общ. пол.) нельзя не видѣть, что они пытаются исчерпывающе регулировать вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ крестьянъ. Хотя до изданія этихъ правилъ существовалъ уже законъ, согласно которому при семейныхъ раздѣлахъ крестьянъ требовалось предварительное разрѣшеніе сельского схода (п. 5 ст. 51, т. IX, особ. прил. изд. 1876), тѣмъ не менѣе законодатель, въ виду непримѣненія этой статьи на практикѣ, счелъ нужнымъ опять повторить это. Первая статья правилъ 18-го марта 1886 г. (ст. 38 общ. пол. изд. 1902 г.) прямо начинается словами: «семейство, желающее раздѣлиться на самостоятельныя хозяйства, обязано заявить о томъ сельскому сходу и пр.»; ст. 7 правилъ (ст. 44 общ. пол.) опредѣляетъ, что «для раз-

¹⁾ См. св. зак. т. IX, особ. прил. изд. 1876 г. п. 5 ст. 51.

рѣшенія семейнаго раздѣла требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ право участвовать въ сельскомъ сходѣ». Ст. 8 правилъ (ст. 45 общ. пол.) опредѣляетъ санкцію закона, т. е. тѣ невыгодныя послѣдствія, съ которыми сопряженъ самовольный раздѣлъ, и, наконецъ, ст. 9 правилъ (ст. 46 общ. пол.) опредѣляетъ особый порядокъ обжалованія приговоровъ сельскихъ сходовъ относительно семейныхъ раздѣловъ. Всѣ исчисленныя статьи устанавливають совершенно самостоятельно и помимо п. 7 ст. 62 общ. пол., что семейные раздѣлы обусловлены разрѣшеніемъ сельскаго схода, и даже при поверхностномъ сравненіи ст.ст. 38—46 общ. пол. со ст. 62 п. 7 совершенно ясно, что центръ тяжести регулированія семейныхъ раздѣловъ находится въ ст.ст. 38—46, а п. 7 въ ст. 62 только существуетъ для полноты изложеннаго въ ней перечня вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію сельскаго схода. Поэтому, если выс. указъ 5-го октября 1906 г. огульно и безъ всякихъ оговорокъ отмѣняетъ ст.ст. 38—46 общ. пол., то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ отмѣняетъ также и то, что составляетъ душу этихъ статей, т. е. обусловленность семейныхъ раздѣловъ разрѣшеніемъ схода. Въ противномъ случаѣ, т. е., если бы законодатель захотѣлъ оставить въ силѣ обусловленность семейныхъ раздѣловъ разрѣшеніемъ сельскаго схода, то зачѣмъ онъ отмѣнилъ дѣйствія цитированной выше ст. 38 общ. пол.? Вѣдь, если для раздѣла крестьянская семья по прежнему должна заручиться согласіемъ сельскаго схода, то естественно оставить въ силѣ правило, выраженное въ ст. 38 общ. пол.! Точно также естественно было бы оставить въ силѣ ст. 45 общ. пол., содержащую санкцію закона о семейныхъ раздѣлахъ, ибо законодательный запретъ безъ санкции теряетъ всякое практическое значеніе! Не менѣе вызвала бы удивленія—при предположеніи, что семейные раздѣлы и впредь обусловлены разрѣшеніемъ схода—и отмѣна ст. 46 общ. пол., устанавливающая порядокъ обжалованія приговоровъ схода о раздѣлахъ, такъ какъ нельзя допустить, чтобы указъ 5 октября 1906 г., имѣющій тенденцію освободить отдѣльныхъ крестьянъ изъ подъ власти общества, хотѣлъ сдѣлать раздѣльные приговоры схода окончательными и безапелляционными.

Всѣ эти вопросы приводятъ насъ къ несомнѣнному выводу, что указъ 5 окт. 1906 г., отмѣнившій дѣйствіе ст.ст. 38—46 общ. пол., отмѣнилъ по существу и п. 7 ст. 62 общ. пол., и неупоминаніе объ этомъ въ указѣ является ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ редакціонныхъ недосмотровъ, каковыми, вообще, изобилуютъ большинство нашихъ бюрократическихъ законовъ, изданныхъ съ великой поспѣшностью въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ въ періодъ между первой и второй государственными думами.

Кодификаціонная справка въ значительной

степени подтверждаетъ наше мнѣніе: законъ о семейныхъ раздѣлахъ крестьянъ, какъ указано было выше, былъ изданъ 18 марта 1886 г. и впервые кодифицированъ въ сводномъ прод. IX т. особ. прил. изд. 1893 г. и помѣщенъ въ видѣ примѣчанія къ п. 5 ст. 51, т. е. къ тому самому пункту, относительно оставленія котораго въ силѣ у насъ и идетъ рѣчь. Но въ позднѣйшемъ изданіи того же тома (а именно отъ 1902 г.) свода законовъ кодификаторы почему-то сочли нужнымъ разорвать естественную связь между означеннымъ пунктомъ и правилами о семейныхъ раздѣлахъ и помѣстить послѣднія въ видѣ ряда отдѣльныхъ статей, а именно ст. 38—46. Вообще, наши кодификаторы при новыхъ изданіяхъ разныхъ частей св. законовъ часто прибѣгаютъ къ противуестественнымъ соединеніямъ и разъединеніямъ разныхъ статей. Что такая практика, съ точки зрѣнія строгой законности, весьма сомнительна, а по существу весьма часто создаетъ затрудненія для правильнаго толкованія и пониманія закона,—объ этомъ уже указывалось на столбцахъ «Правъ» (отъ 1907 г. № 38, стр. 2453—2454). Не входя въ разборъ по существу, поскольку въ данномъ случаѣ цѣлесообразно было отдѣлить правила о семейныхъ раздѣлахъ отъ п. 7 ст. 62 (п. 5 ст. 51 по изд. 1893 г.), для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что именно это кодификаціонное раздѣленіе и было ближайшимъ поводомъ того редакціоннаго недосмотра, благодаря которому и возникъ нынѣ вопросъ о силѣ п. 7 ст. 62 послѣ изданія указа отъ 5 октября 1906 г.

Въ пользу нашего мнѣнія объ утратѣ п. 7 ст. 62 силы говорятъ еще и соображенія, основанныя на общемъ характерѣ указа 5 октября 1906 г.

Запрещеніе крестьянамъ самовольныхъ, т. е. безъ разрѣшенія начальства совершаемыхъ, семейныхъ раздѣловъ ведетъ свое начало еще съ дореформенной эпохи¹⁾. Положеніе о крестьянахъ 1861 г. хотя и обусловило семейные раздѣлы крестьянъ предварительнымъ разрѣшеніемъ сельскаго схода, но на практикѣ семейные раздѣлы вѣдались должностными лицами крестьянскаго управленія и волостными судами и, кромѣ того, въ разныхъ мѣстностяхъ вырабатывались свои обычныя формы участія общественной власти въ семейныхъ раздѣлахъ²⁾. Весьма участившіеся послѣ освобожденія крестьянъ семейные раздѣлы³⁾, впервые обратившіе на себя

¹⁾ Св. зак. т. XII, уст. сельск. суд., ст. 486.

²⁾ Пахманъ. Обычное право въ Россіи. Спб. 1879 г. т. II стр. 291 и слѣд.

³⁾ По собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ при посредствѣ губернаторовъ свѣдѣніямъ, число семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ всѣхъ наименованій, за время въ 1861 по 1882 годъ, достигало 2.371.248 на 46 губерній; изъ этого числа раздѣловъ, разрѣшенныхъ сельскими сходами, было только 303.149 или 12,8%. (См. Н. Бржескій. Очерки юридическаго быта крестьянъ, Спб. 1902 года стр. 113).

вниманіе правительства въ началѣ 70-хъ годовъ (а именно въ высоч. утв. комиссіи подъ предѣтельствомъ министра государственныхъ имуществъ Валуева для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской промышленности въ Россіи), послужили побудительнымъ мотивомъ для представленія мин. вн. дѣлъ по земскому отдѣлу въ госуд. совѣтъ отъ 18 марта 1884 г. за № 414 о мѣрахъ къ ограниченію семейныхъ раздѣловъ; это представленіе министра и получило—послѣ нѣкоторыхъ измѣненій—18 марта 1886 г. силу закона.

Главными побудительными мотивами изданія новыхъ ограничительныхъ правилъ о семейныхъ раздѣлахъ были, по мнѣнію мин. вн. дѣлъ, слѣдующіе: 1) необходимость возстановленія твердой родительской власти въ крестьянской семьѣ; 2) необходимость противодѣйствовать индивидуализаціи крестьянскихъ семей, вредной въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ; 3) необходимость предоставленія сельскому сходу дѣйствительнаго права допускать или не допускать семейныхъ раздѣловъ, такъ какъ послѣдніе, отражаясь на имущественномъ положеніи членовъ дѣлящейся семьи, задѣваютъ этимъ самымъ и интересы крестьянскаго общества, отвѣчающаго за налоговую платежеспособность своихъ членовъ круговою порукой. Изъ этихъ мотивовъ закона вытекали и его основныя положенія, а именно: запрещеніе семейныхъ раздѣловъ безъ согласія домохозяина (все равно, въ лицѣ ли родителя или старшаго члена семьи, напр., дяди или брата) и безъ разрѣшенія сельскаго схода. Если теперь сопоставить эти мотивы правилъ 18 марта 1886 г.—кстати сказать, совершенно не приведшихъ на практикѣ къ тѣмъ результатамъ, которые ожидало отъ нихъ правительство,¹⁾—съ тенденціями указа 5 октября 1906 г., стремящагося къ уравнинію крестьянъ съ прочими сословіями и къ индивидуализаціи крестьянской семьи, направленаго на освобожденіе отдѣльныхъ крестьянъ изъ подъ власти міра, и, наконецъ, если вмѣстѣ съ этимъ принять во вниманіе, что однимъ изъ главныхъ поводовъ поставленія крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ подъ контроль схода была круговая порука всего общества за платежеспособность отдѣльныхъ членовъ и что этотъ поводъ, съ отмѣной послѣднихъ остатковъ круговой поруки (указъ 5 окт. 1906 г., VI, 5), нынѣ отпалъ,—то

врядъ ли можетъ еще остаться сомнѣніе въ томъ, что высоч. указъ 5 октября 1906 г., отмѣнивъ предусмотрѣнный ст.ст. 38—46 порядокъ семейныхъ раздѣловъ, отмѣнилъ также и необходимость предварительнаго разрѣшенія ихъ сельскими сходами. Допустить противоположное значило бы допустить ничѣмъ необъяснимое противорѣчіе, въ которое законодатель сталъ съ самимъ собою.

Такимъ образомъ, на основаніи буквального и логическаго толкованія указа 5 окт. 1906 г., VIII а, мы должны придти къ заключенію, что п. 7 ст. 62 общ. пол. долженъ считаться нынѣ утратившимъ свою силу. Пунктъ этотъ не содержалъ никакой нормы права, независимой отъ ст. 38 и слѣд. общ. пол., а существовалъ лишь послѣ 18 марта 1886 г.—для полноты перечня исчисленныхъ въ ст. 62 предметовъ вѣдомства сельскаго схода и носилъ, поэтому, характеръ не право-устанавливающій, а редакціонно-описательный. И въ виду этого съ отмѣной ст. 38 и слѣд. общ. пол. падаетъ само собою и обязательное значеніе п. 7 ст. 62.

Съ отмѣной ст.ст. 38—46 общ. пол. возникаютъ слѣдующіе два вопроса: 1) какіе органы въ настоящее время призваны вѣдать семейные раздѣлы крестьянъ? 2) На основаніи какихъ матеріально-правовыхъ нормъ эти раздѣлы должны совершаться?

По аналогіи съ нормами общегражданскаго права, относящими всякіе споры о раздѣлѣ общаго имущества къ вѣдѣнію судебныхъ, а не административныхъ мѣстъ и въ связи со ст. 125 общ. пол., относящей всякіе споры крестьянъ о надѣльной землѣ къ предмету вѣдомства волостного суда,—первый вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что со времени указа 5 октября 1906 г. семейные раздѣлы крестьянъ въ случаѣ, если между членами семьи не послѣдуетъ полюбовнаго на этотъ счетъ соглашенія,—рѣшаетъ волостной судъ.

Что же касается второго вопроса, т. е. какими матеріально-правовыми нормами долженъ руководствоваться волостной судъ при раздѣлахъ семейнаго имущества крестьянъ, то въ виду отсутствія такихъ нормъ вол. судъ будетъ поставленъ въ положеніе аналогичное общимъ судебнымъ мѣстамъ, призваннымъ къ раздѣлу общей собственности или общаго наследственнаго имущества. Въ виду хозяйственныхъ и социальныхъ особенностей подлежащаго дѣленію объекта, т. е. крестьянскаго двора, волостной судъ на практикѣ врядъ ли будетъ въ состояніи руководствоваться тѣми чисто ариметическими приѣмами дѣлежа, къ какимъ по большей части прибѣгаютъ общія судебныя мѣста при раздѣлѣ общей собственности. Поэтому, можно ожидать, что при крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ въ практикѣ волостныхъ судовъ получатъ примѣненіе обычныя нормы права по аналогіи съ таковыми, примѣняемыми при наследственныхъ раздѣлахъ (ст. 13 общ. пол.). Не

¹⁾ Отзывы губернскихъ совѣщаній, образованныхъ для пересмотра законодательства о крестьянахъ, почти единогласно свидѣтельствуютъ, что правила 18 марта 1886 г. остались безъ всякихъ практическихъ результатовъ. Самовольные раздѣлы, т. е. безъ участія сельскаго схода, продолжаютъ по прежнему и, напр., въ оренбургской губ. ихъ въ 20 разъ больше, чѣмъ тѣ, которые совершаются по закону. Точно также и общее число семейныхъ раздѣловъ продолжаетъ безостановочно расти и послѣ новаго закона. (См. Бржескій, тамъ же стр. 141—152).

подлежитъ также сомнѣнію, что при огромномъ множествѣ и наблюдаемомъ постоянномъ ростѣ числа семейныхъ раздѣловъ, изъ которыхъ подавляющее число совершалось до настоящаго времени самовольно, т. е. безъ участія сельскаго схода, крестьянскій бытъ выработалъ въ этомъ отношеніи свои обычныя мѣстныя нормы, которыя, конечно, не могутъ быть неизвѣстны волостнымъ судьямъ, какъ мѣстнымъ крестьянамъ. Это обычное право и ляжетъ, вѣроятно, въ основаніе рѣшеній волостныхъ судовъ о семейныхъ раздѣлахъ крестьянъ, и эти рѣшенія будутъ провѣряться по существу и въ кассационномъ порядкѣ уѣздными сѣздами и губернскими присутствіями.

И. Урысонъ.

Русскіе парламентскіе прецеденты.

(Продолженіе¹⁾).

Г. Думскія пренія.

§ 126. *Желающій говорить заявляетъ о томъ председателю.*

Ср. наказъ, ст. 98. Стен. отч., II, 398.

Руководящее заявленіе председателя, см. стен. отч., I, стр. 53:

Председатель. Если кто имѣетъ что либо сказать, то покорнѣйше прошу прислать мнѣ записку съ фамиліей желающаго говорить, и я въ надлежащемъ порядкѣ буду давать слово. Затѣмъ прошу ораторовъ говорить не иначе, какъ съ каеэды. Кому угодно просить слова, потрудитесь подать мнѣ записку.

Въ виду того, что очередь ораторовъ опредѣляется (ср. § 127) порядкомъ подачи записокъ председателю, необходимо точно установить, съ какого именно момента разрѣшается подавать записки. По этому поводу имѣется руководящее замѣчаніе О. А. Головина (стен. отч., II, 1298):

Председатель. Членъ думы Пуришкевичъ говоритъ, что онъ подалъ записку. По этому поводу напоминаю членамъ думы, которые полагаютъ такъ же, какъ и членъ думы Пуришкевичъ, что можно подавать записки ранѣе, чѣмъ вопросъ поставленъ на очередь, что по наказу записки слѣдуетъ подавать только тогда, когда вопросъ поставленъ на обсужденіе думы.

Ср. ниже, § 126¹.

Затѣмъ подавать записки слѣдуетъ, конечно, самому председателю. По этому поводу имѣлась въ думѣ выходка того же д. Пуришкевича, получившая соотвѣтственную отповѣдь отъ кн. Долгорукова (стен. отч., I, 833—834):

Пуришкевичъ... я покорнѣйше прошу государственную думу и надѣюсь, что и председатель согласится съ тѣмъ, чтобы записки оратора производилась здѣсь, не въ квартирѣ кн. Долгорукова, а въ государственной думѣ, чтобы мы каждую ми-

нуту могли получить возможность говорить по тому же вопросу, какъ и другіе. (Шиканье)..

Кн. Долгоруковъ. Я только хотѣлъ сказать, что сказанное членомъ думы Пуришкевичемъ есть несоотвѣтствіе съ истиной. Ни одинъ ораторъ ни у меня, ни у меня на квартирѣ не записывался. (Аплодисменты).

§ 126¹. Заявленіе о предоставленіи слова дѣлается письменно не прежде, какъ по переходѣ къ обсужденію подлежащаго предмета; въ заявленіи отмѣчается, выступаетъ ли ораторъ за или противъ предложенія.

Наказъ, ст. 99. Стен. отч., II, 398.

Практическое значеніе отмѣтокъ за и противъ указано ниже, см. § 127.

§ 127. Председатель устанавливаетъ очередь въ зависимости отъ порядка сдѣланныхъ заявленій, наблюдая, по возможности, чтобы ораторы зачередовались съ ораторами противъ.

Наказъ, ст. 98 in fine. Стен. отч., II, 398.

Чередованіе ораторовъ, прежде всего, оживляетъ дебаты. Но кромѣ этой, такъ сказать, эстетической стороны, правило о чередованіи имѣетъ и практическое значеніе: крайне затруднительно прекращать пренія, если успѣло высказаться лишь нѣсколько ораторовъ одного и того же лагеря и очередь не дошла еще ни до одного изъ ихъ противниковъ. Ср. стен. отч., II, 1009.

Капустинъ (г. Казань). Когда предшествующій законопроектъ обсуждался, то далеко не всѣ записавшіеся ораторы успѣли высказаться, и, между прочимъ, какъ мнѣ кажется, не было соблюдено одобренное нами положеніе наказа, что ораторы выступаютъ попеременно за и противъ внесеннаго предложенія или законопроекта. Какъ разъ по предшествующему законопроекту высказались тѣ, которые имѣли что либо сказать противъ и не выступили ни одинъ, кто хотѣлъ сказать что либо за... Я бы полагалъ—что во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы соблюдать правило, чтобы могли высказываться мнѣнія за и противъ внесеннаго предложенія.

Председатель. По поводу сказанныхъ членомъ думы Капустинымъ словъ относительно несоблюденія наказа долженъ обратиться съ покорнѣйшей просьбой къ членамъ думы соблюдать наказъ, именно: давая записки, указывать, просить ли данный членъ слова за, или противъ предложенія. Всѣ записки, поданныя въ настоящее время, не имѣютъ этого указанія, поэтому председатель долженъ только догадываться, кто будетъ говорить за, кто—противъ.

Всѣ ораторы говорятъ по установленной очереди. Поэтому, въ гос. думѣ не можетъ быть допущенъ митинговый приѣмъ „фактическихъ исправленій“, дѣлаемыхъ внѣ очереди. Стен. отч., I, 152:

Гарусевичъ. Г. председатель! Прошу слова внѣ очереди для внесенія фактической замѣтки.

Председатель. Какъ фактической?

Гарусевичъ. По поводу только что высказаннаго предыдущимъ ораторомъ заявленія.

Председатель. Я запишу васъ въ число ораторовъ.

§ 127¹. Никто не можетъ говорить по одному и тому же вопросу болѣе двухъ разъ.

¹) См. „Право“ 1907 г. № 51.

Наказъ, ст. 100. Стен. отч., II, 398. Нововеденія; см. прецеденты I думы, § 138.

§ 127². Первое слово по каждому вопросу предоставляется докладчику комиссiи или одному изъ трехъ первыхъ, подписавшихъ данное заявленіе, по соглашенію между собой.

Наказъ, ст. 101. Стен. отч., II, 399. Если это правило не должно быть понимаемо, какъ идущее въ разрѣзъ ст. 40 учрежденія госуд. думы („министры и главноуправляющіе должны быть выслушаны въ засѣданіяхъ думы каждый разъ, какъ они о томъ заявятъ“), то оно представляетъ собой лишь воспроизведеніе ст. § 128-го (см. ниже): ибо если докладчикъ имѣетъ право говорить не въ очередь, то онъ, очевидно, можетъ воспользоваться этимъ правомъ и получить „первое слово“. Польза данной статьи для меня неясна.

§ 128. Въ очереди, но не прерывая уже говорящаго оратора, председатель предоставляетъ слово, въ случаѣ ихъ желанія: а) министрамъ, главноуправляющимъ и уполномоченнымъ ими товарищамъ и начальникамъ отдѣльныхъ частей центрального управленія; б) докладчикамъ комиссiи; в) одному изъ первыхъ трехъ, подписавшихъ предложеніе, по взаимному соглашенію.

Наказъ, ст. 103, съ редакціонными измѣненіями. Ср. стен. отч., II, 399.

Инцидентъ, происшедшій съ д. Карташевымъ, обнаружилъ, по моему мнѣнію, слишкомъ ненужную предупредительность Н. И. Познанскаго по отношенію къ министру путей сообщенія. Инцидентъ этотъ изложенъ въ стен. отчетахъ такъ (II, стр. 851):

Председательствующій. Имѣетъ быть общее сужденіе по законопроекту о содержаніи срочныхъ рейсовъ на рѣкѣ Ленѣ. По этому вопросу предоставляется слово члену думы Карташеву.

Карташевъ (съ мѣста). По рѣкѣ Ленѣ? Председательствующій. Министръ путей сообщенія желаетъ сдѣлать разъясненіе.

Министръ путей сообщенія. Господа члены государственной думы!

Относительно пункта в отмѣчу слѣдующее. Слѣдовало бы оговорить, что „одинъ изъ подписавшихъ“ можетъ говорить только въ первоначальной стадіи дѣла, доколѣ еще нѣтъ докладчика, ибо иначе получилась бы совершенно нетерпимая привилегія въ пользу такого лица, которое вовсе не облечено (какъ докладчикъ) довѣріемъ думскаго органа, комиссiи.

По пункту а. Само собой разумѣется, что министр или его замѣститель получаетъ слово только въ томъ случаѣ, если онъ предполагаетъ говорить по тому вопросу, который въ данный моментъ обсуждается, и въ томъ порядкѣ, который въ данный моментъ принятъ думою. Поэтому, напримѣръ, министр не можетъ дѣлать постатейныхъ замѣчаній въ то время, когда дѣло не дошло до данной статьи. Стен. отч., II, 4—5:

Товарищъ министра внутреннихъ

дѣлъ сенаторъ Крыжановскій... Правило, установленное закономъ, имѣетъ въ виду ясную и определенную цѣль предотвратить...

Председатель. Виноватъ, г. ораторъ, не сочтете ли возможнымъ сдѣлать соответствующее замѣчаніе, когда мы перейдемъ къ постатейному обсужденію, вѣдь общія пренія кончены.

Крыжановскій. Какъ вамъ будетъ угодно.

Председатель. Это вопросъ, относящійся къ отдѣльной статьѣ, а иначе у насъ будетъ сужденіе общее по всему проекту.

Крыжановскій. Можетъ быть, вы разрѣшите эти общія замѣчанія сдѣлать сейчасъ.

Председатель. Если вы будете дѣлать общія замѣчанія, то и остальные ораторы тоже будутъ ихъ дѣлать...

Крыжановскій. Мои замѣчанія касаются двухъ статей.

Председатель. Тогда благоволите сдѣлать свои замѣчанія, когда мы перейдемъ къ обсужденію одной изъ этихъ статей. Тогда вамъ можно будетъ сдѣлать возраженія и поставить на голосованіе; это удобнѣе для спѣшности дѣла. Дума постановила обсуждать постатейно.

§ 128¹. Въ очереди дается слово лицу, заявляющему о своемъ намѣреніи сдѣлать предложеніе касательно направленія обсуждаемаго дѣла.

Наказъ, ст. 105. Стен. отч., II, 400.

§ 128². Право указать на происходящее отступленіе отъ наказа принадлежитъ каждому члену думы не въ очередь.

Наказъ, ст. 104. Стен. отч., II, 400, 1315.

§ 128³. Объясненія по личному вопросу даются не въ очередь, но отлагаются до окончанія сужденія по дѣлу въ томъ же засѣданіи.

Наказъ, ст. 106. Стен. отч., II, 400.

§ 129. Если вызываемый ораторъ не находится въ залѣ, председатель вызываетъ слѣдующаго по списку.

Однако, если слѣдующій по списку ораторъ считаетъ неудобнымъ для себя измѣненіе порядка рѣчей, онъ можетъ просить председателя о томъ, чтобы данъ былъ звонокъ въ кулуары.

Въ наказѣ (ст. 107) это правило изложено нѣсколько иначе: „если при наступленіи очереди оратора въ залѣ не окажется, то онъ теряетъ свою очередь и можетъ получить слово лишь по окончаніи всего списка“. Стен. отч., II, 400. На практикѣ это правило не соблюдалось, см. ниже, § 130.

Крайне нежелательно, чтобы ораторы, до которыхъ дошла очередь въ данномъ засѣданіи, могли переносить свою рѣчь—на слѣдующее. Ср. стен. отч., I, 980.

§ 130. Ораторъ, пропустившій свою очередь, можетъ говорить: а) или по возвращеніи въ залѣ, если того пожелаетъ дума, б) или же въ концѣ преній, когда списокъ ораторовъ будетъ исчерпанъ.

По пункту а: см. стен. отч., I, 960 и 965. Наказъ постановляетъ иначе, см. выше, комментарий къ § 129-му.

По пункту б: наказъ, ст. 108.

§ 131. Ораторъ, до котораго дошла очередь,

может помниться мѣстами съ другимъ записаннымъ ораторомъ.

Въ первой думѣ осталось не вполне выясненнымъ, можно ли уступить свое мѣсто незаписанному оратору¹⁾. Во второй думѣ этотъ вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно.

См. стен. отч., II, 502.

Пьяныхъ (Курская губ.). Я уступаю свое мѣсто Березину.

Предсѣдатель. Нельзя уступать мѣсто незаписавшемуся оратору, можно мѣняться очередью съ записавшимися.

Относительно уступки мѣста записавшемуся оратору, см. стен. отч., II, 477.

§ 132. Никто не имѣетъ права говорить, доколѣ ему не предоставлено слово предсѣдателемъ.

Ср. наказъ, ст. 98, выше.

§ 133. Говорить слѣдуетъ съ кафедръ.

Ср. наказъ, ст. 110. Стен. отч., II, 400.

На практикѣ предсѣдатель разрѣшалъ дѣлать краткія заявленія и съ мѣста. Напр., стен. отч., II, 515. Обязательность восхожденія на трибуну не является желательною, въ интересахъ экономіи времени. Не говоря уже о томъ, что путешествіе съ дальнихъ мѣстъ до кафедры занимаетъ много времени,—нужно считаться и съ психологіей депутатовъ: лицо, взшедшее на кафедру, инстинктивно старается придать своему заявленію большую внушительность: появляется ораторское exordium и т. п. ненужныя украшенія.

§ 134. Ораторы обращаютъ свои рѣчи къ государственной думѣ.

Ср. Прецеденты, стр. 83.

§ 135. Ораторы должны говорить достаточно громко. Если ораторъ не можетъ говорить достаточно громко, то это обстоятельство не можетъ служить поводомъ къ лишенію его слова.

Ср. Прецеденты, стр. 83.

§ 136. Ораторы не имѣютъ права ставить непосредственныхъ вопросовъ ни министрамъ, ни своимъ товарищамъ по думѣ.

Наказъ, ст. 112, выражаетъ это правило менѣе полно: „вопросы, обрацаемые членами государственной думы другъ къ другу съ трибуны, воспрещаются“.

Разговоры съ трибуны были большимъ зломъ во второй думѣ и справедливо преслѣдовались предсѣдателемъ. Ср. стен. отч., II, 1153.

Синадино. ...Если эта коллегія пришла къ тому убѣжденію, что на первую очередь надо поставить вопросы, на первый взглядъ, можетъ быть, и маловажные и весьма короткіе, какъ уничтоженіе смертной казни и о всеобщей амнистіи, — то, дѣйствительно, у этихъ нашихъ представителей имѣлись вѣскія данныя для этого, и я думаю, что не нужно глубоко вѣдраться и искать эти данныя.

¹⁾ Прецеденты, стр. 83.

(Голосъ: а они у васъ есть?) Что? Будьте любезны, повторите, я вамъ отвѣчу.

Предсѣдатель. Прошу не прерывать оратора, а васъ не вступать въ разговоры съ членами думы.

Другіе примѣры, см. стен. отч., I, 1958; II, 258 и 991.

§ 137. Прочтеніе рѣчей не разрѣшается. Пользованіе записками и чтеніе цитируемыхъ извлеченій допускается.

Наказъ, ст. 111. Стен. отч., II, 403.

Сначала предполагалось допустить чтеніе для инородцевъ, плохо владѣющихъ русскимъ языкомъ. Однако, деп. Пергаментъ далъ по этому поводу слѣдующія разъясненія (стен. отч., II, 401).

Пергаментъ. Комиссія казалось, что въ той редакціи, которую имѣетъ ст. 111, т. е. „прочтеніе рѣчей не разрѣшается“,—предусматриваются только случаи чтенія всей рѣчи отъ начала до конца. Комиссія и здѣсь принципиально готова была допустить возможность и право для нѣкоторыхъ лицъ, не свободно владѣющихъ русскимъ языкомъ, читать свои рѣчи; принципиально она не встрѣчала въ томъ ничего недопустимаго, но, ознакомившись съ тѣми нѣсколькими тысячами рѣчей, которые были произнесены въ думѣ, въ настоящую ея сессию, комиссія увидѣла, что единственные три случая чтенія рѣчей были случаи чтенія ихъ лицами, безусловно владѣющими русскимъ языкомъ и чисто русскаго происхожденія... Поэтому комиссія рѣшила, что такъ какъ по указанію опыта инородческіе элементы и люди, не свободно владѣющіе русскимъ языкомъ, тѣмъ не менѣе прекрасно справляются съ изустнымъ произнесеніемъ рѣчей, а къ этому прибѣгаютъ тѣ, которые по происхожденію своему и по свободному владѣнію русскою рѣчью не имѣли основанія отступать отъ изустнаго изложенія,—то вполне возможно изложить статью въ предложенной нѣсколько категорической формѣ.

Примѣры тѣхъ четырехъ рѣчей, которые были читаны, см. стен. отч., I, 134 (Озоль), 218 (Абрамовъ), 483 (Созоновичъ) и 511 (Лисовскій).

Относительно цитированія документовъ приходится отмѣтить нѣсколько весьма прискорбныхъ прецедентовъ. Началось съ того, что предсѣдатель запретилъ цитировать газетныя свѣдѣнія, „могущія быть невѣрными“. Этотъ случай изображенъ въ стен. отчетахъ такъ: (стен. отч., I, 465).

Алексинскій. ...У меня былъ номеръ другой газеты, московской газеты „Утро“. Тамъ была помѣщена бесѣда сотрудника съ тѣмъ же Крушеваномъ. Въ этой бесѣдѣ говорилось прямо, что евреи революціонизировали населеніе. Сотрудникъ спрашиваетъ, что же сдѣлать? — Истребить поголовно всѣхъ евреевъ. Но, вѣдь, населеніе тоже революціонизировалось—вы сами сознаете? Истребить поголовно все революціонизировавшееся населеніе. (Шумъ).

Предсѣдатель. Я долженъ вамъ напомнить, что сообщеніе газетъ можетъ быть невѣрное и обращаться къ нему вы не можете.

Въ томъ же засѣданіи предсѣдатель запретилъ читать анонимное письмо. Стен. отч., I, 467.

Алексинскій (г. С.-Петербургъ). ...У меня въ рукахъ бумажка, написанная измѣненнымъ почеркомъ. Несомнѣнно, писалъ трусъ, который подпи-

саться и написать своимъ почеркомъ боялся. Тутъ говорится по моему адресу: скажи всѣмъ своимъ думскимъ жидамъ, всѣмъ лѣвымъ...

Предсѣдатель. Ораторъ, анонимныя письма здѣсь не оглашаются. Я запрещаю вамъ оглашать это письмо.

Затѣмъ, опять-таки, въ томъ же засѣданіи предсѣдатель запретилъ оглашеніе документа „официально неизвѣстнаго“ (?). Стен. отч., I, 495:

Архангельскій. ... 26 лѣтъ тому назадъ исполнителный комитетъ партіи народной воли обратился къ новому императору Александру III съ письмомъ. Въ письмѣ комитетъ обѣщался прекратить свою террористическую дѣятельность при исполненіи правительствомъ слѣдующихъ условій...

Предсѣдатель. Ораторъ, позвольте просить не читать документа официально неизвѣстнаго.

Затѣмъ, въ засѣданіи 15 марта предсѣдатель запретилъ прочтеніе документа „официально извѣстнаго“—уже безъ всякаго объясненія причинъ. Стен. отч., I, 560:

Джапаридзе. ... Послѣ цѣлаго ряда погромовъ, которые были учинены ими...

Голоса (справа). Ложь, неправда, попросите къ порядку.

Джапаридзе. Здѣсь говорятъ, что союзъ русскаго народа не устраиваетъ погромовъ. Я познакомлю васъ съ однимъ изъ документовъ полковника Симановскаго. Вотъ что онъ пишетъ...

Предсѣдатель. Я вамъ не даю слова, чтобы оглашать этотъ документъ.

Джапаридзе. Я повинуюсь предсѣдателю, но частнымъ образомъ, конечно, въ печати всѣ ознакомятся съ этимъ документомъ.

Наконецъ, въ засѣданіи 12 апрѣля предсѣдатель рѣшился ввести, не болѣе и не менѣе, какъ предварительную цензуру для цитатъ. Стен. отч., I, 1992:

Алексинскій. ... Въ сегодняшнемъ номерѣ „Русскаго Знамени“, которое подброшено къ-то на то мѣсто, гдѣ я сижу (Пуришкевичъ: я подкинулъ), напечатано, что...

Предсѣдатель. Это не относится къ дѣлу.

Алексинскій. Это чрезвычайно относится. Вы увидите изъ дальнѣйшаго. Тутъ за...

Предсѣдатель. Позвольте, это непосредственно не относится...

Алексинскій. Это относится непосредственно.

Предсѣдатель. Позвольте, дайте мнѣ сначала ознакомиться съ означеннымъ номеромъ. (Предсѣдатель читаетъ газету). (Справа смѣхъ. Голоса: это цензура).

Алексинскій. Самъ г. предсѣдатель государственной думы нашелъ, что это чрезвычайно относится къ дѣлу.

Изъ приведенныхъ казусовъ только второй не заслуживаетъ порицанія. Дѣйствительно, анонимныя писанія, по самому своему существу, являются источникомъ настолько подозрительнымъ, что являлось бы оскорбленіемъ для думской каѣдры всякая попытка читать подобныя сообщенія. Въ первой думѣ былъ аналогичный случай съ анонимными обвиненіями, попавшими въ избирательный ящикъ: ихъ, конечно, не читали.

Но остальные случаи должны быть опротестованы самымъ энергичнымъ образомъ. Для юриста, конечно, не существуетъ соображеній о томъ, что именно предполагалось процитировать, письмо Народной Воли, или „Русское Знамя“. Вѣдь завтра предсѣдателемъ думы можетъ оказаться г. Пуришкевичъ—и тогда прецедентъ повернется противъ самыхъ основъ народнаго представительства. Юристъ можетъ исходить только изъ одного соображенія: всякій документъ можетъ быть прочитанъ только съ каѣдры, за страхъ и за совѣсть читающаго. Если въ этомъ документѣ имѣются выраженія, нарушающія парламентскій порядокъ,—репрессія будетъ сдѣлана въ обычныхъ формахъ парламентской дисциплины. Если документъ не относится къ обсуждаемому вопросу, то предсѣдатель остановитъ читающаго,—но, опять таки, въ обычномъ порядкѣ, послѣ того, какъ вся дума убѣдится въ ошибкѣ, допущенной ораторомъ. Допускать же предварительную цензуру предсѣдателя—значитъ встать въ очевиднѣйшее противорѣчіе съ идеей парламента. Особенно грубымъ представляется мнѣ также четвертый случай: оратора обвиняютъ во лжи, а предсѣдатель мѣшаетъ ему прочитать оправдательный документъ!

Противорѣча идея народнаго представительства, цензура, введенная О. А. Головинымъ, является и нецѣлесообразной. Ибо если запретить чтеніе документа, то нельзя ни запретить, ни пропустить черезъ предварительную цензуру пересказъ документа. Слѣдовательно, во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ цензура О. А. Головина могло повести—при находчивости ораторовъ—только къ одному: къ тому, что они въ косвенной рѣчи, своими словами, стали бы излагать то, что проще, короче, точнѣе и рельефнѣе можно было бы сообщить прочтеніемъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ я считаю совершенно правильнымъ тотъ протестъ, который былъ поданъ 12 апрѣля социаль-демократами,—и удивляюсь только тому, что онъ не былъ поддержанъ остальною думою. Протестъ этотъ гласитъ такъ:

Въ засѣданіи 12 апрѣля во время рѣчи деп. Алексинскаго, пожелавшаго процитировать сообщеніе изъ „Русскаго Знамени“, предсѣдатель думы потребовалъ, остановивъ оратора, на предварительный просмотръ себѣ и послѣ просмотра разрѣшилъ цитату.

Констатируя введеніе предварительной цензуры въ государственной думѣ, мы, нижеподписавшіеся, просимъ приложить настоящее заявленіе къ протоколу засѣданія.

Даже въ государственномъ совѣтѣ чтеніе цитатъ изъ газетъ и документовъ не вызывало никакихъ замѣчаній со стороны предсѣдателя (сессія II, 59, 61, 455, 527),—и извѣстный инцидентъ съ кн. Е. Трубецкимъ произошелъ

(сессія II, 595) не потому, что председатель запретил читать выдержки, а потому, что, по мнѣнію М. Г. Акимова, всякое, вообще, упоминаніе о газетной кампаніи колеблетъ авторитетъ сената. Конечно, при другомъ председателѣ, — имѣющемъ болѣе высокое мнѣніе объ авторитетѣ сената, — подобный инцидентъ не могъ бы повториться.

Цитирую для справки подлинникъ:

Кн. Е. Н. Трубецкой... Прежде всего, мнѣ хотѣлось бы отвѣтить на слова А. С. Стишинскаго, который утверждалъ, что общественное мнѣніе вовсе не заинтересовано въ предложенной нами реформѣ. На это есть прямой отвѣтъ. Припомнимъ прежде всего ту важную полемику, тотъ гвалтъ, который поднялся въ печати вокругъ сенатскихъ разъясненій.

Председатель. Потрудитесь не говорить здѣсь о газетныхъ свѣдѣніяхъ. Если вы желаете газетными сужденіями колебать достоинство сената...

Къ сожалѣнію, на этомъ мѣстѣ классическая фраза председателя была прервана, и мы остались въ невѣдѣніи: чѣмъ, собственно, могъ закончить ее г. Акимовъ?

§ 138. *(Отмѣненъ постановленіемъ наказа, ст. 100. См. выше, § 127').*

§ 139. *Члены думы говорятъ отъ своего имени. Докладчики комиссій говорятъ отъ имени этихъ послѣднихъ.*

Право докладчика говорить отъ имени комиссіи имѣетъ существенное значеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда во время засѣданія приходится принимать поправки: поправки, принятые комиссіей, баллотировуются не такъ, какъ не принятые. Ср. § 172¹.

Колебанія, возникавшія въ первой думѣ относительно того, какимъ путемъ докладчикъ можетъ удостовѣриться въ согласіи комиссіи съ тѣми поправками, которые онъ, докладчикъ, собирается принять, — во второй думѣ не возникали. Докладчики спокойно дѣйствовали за свой страхъ. Ср. прецеденты, стр. 85—88.

§ 140. По письменному предложенію не менѣе 30-ти членовъ думы долженъ быть поставленъ вопросъ о сокращеніи времени рѣчей ораторовъ до 10 минутъ или о прекращеніи записи ораторовъ или одновременно о принятіи той и другой мѣры.

Наказъ, ст. 119. Стен. отч., II, 416—417.

Вопросъ о способѣ прекращенія преній являлся однимъ изъ самыхъ больныхъ въ дѣлопроизводствѣ второй думы. Онъ возникъ, совершенно случайнымъ образомъ, во второе же засѣданіе, происходившее подъ председательствомъ О. А. Головина, и затѣмъ, вплоть до середины мая, составлялъ явный тормазъ для всякой плодотворной работы.

Сначала приведу тотъ отрывокъ стенографическаго отчета, который изображаетъ, какъ — во время преній по совершенно иному вопросу — возникъ и былъ *incidenter* разрѣшенъ вопросъ

о способѣ прекращенія преній (стен. отч., I, 24):

Председатель. Сдѣлано предложеніе о закрытіи преній по вопросу объ опредѣленіи числа товарищей секретаря. Баллотировую это предложеніе.

Кузьминъ - Караваевъ. Г. председатель, позвольте по поводу баллотировки настоящаго вопроса сказать два слова. До настоящаго времени нами еще не установленъ наказъ, но я долженъ сказать, что въ первой думѣ былъ установленъ такой порядокъ, что если вносится предложеніе о прекращеніи преній, то достаточно, если противъ этого высказывается не большинство, а 50 членовъ думы. Если 50 лицъ признавали, что пренія закрывать не слѣдуетъ, то первая государственная дума преній не закрывала.

Голоса. Совершенно вѣрно. Правильно.

Председатель. По вопросу о прекращеніи преній внесено членомъ думы Кузьминымъ-Караваевымъ предложеніе о принятіи того порядка, который существовалъ въ первой государственной думѣ. Этотъ порядокъ слѣдующій: предложеніе о совершенномъ прекращеніи преній считается отвергнутымъ, если противъ предложенія выскажется не менѣе 50 членовъ. Мнѣ казалось бы, что въ настоящее время, прежде чѣмъ принять рѣшеніе о прекращеніи преній по данному вопросу о числѣ товарищей секретаря, намъ надлежало бы опредѣлить порядокъ прекращенія преній. Если другого порядка нѣтъ, не предлагается, позвольте, впредь до утвержденія наказа, поставить на баллотировку тотъ порядокъ, который былъ установленъ первой государственной думой.

Изъ этого отрывка ясно видно, что вопросъ былъ поставленъ и баллотированъ въ совершенно неудовлетворительной формѣ: „порядокъ“ первой думы былъ формулированъ председателемъ неточно и неполно (не упомянуто: о сокращеніи времени, о прекращеніи записи ораторовъ, о необходимости письменной формы и тридцати подписей, о правѣ одного члена говорить противъ предложенія и т. д.), и если бы председатель не упомянулъ въ концѣ, что онъ ставитъ на голоса „тотъ порядокъ, который былъ установленъ первой государственной думой“, то оказалось бы невозможнымъ осуществить на практикѣ постановленія. Благодаря указанной бланкетной ссылкѣ, дума выпуталась изъ неловкаго положенія и, *tacito consensu*, постановила считать, что ею были баллотированы всѣ правила 2-го мая 1906 года¹), хотя они и не были ни внесены на обсужденіе второй думы, ни даже прочитаны въ ея засѣданіи.

Съ этимъ легковѣснымъ багажемъ дума существовала, какъ я уже указалъ выше, почти два съ половиною мѣсяца. Были недоразумѣнія (стен. отч., I, стр. 32 и 33), но не крупныя.

Примѣры, когда сокращеніе времени было принято, см. стен. отч., I, 153, 505, 1233, 1411, 2023; II, 179, 230.

Когда оно было отклонено, см. стен. отч. I 138, 224, 227, 435, 574, 1047, 1062, 1121, 1372, 1618, 1785, 1961, 2018; II, 159.

Когда прекращеніе преній было принято, см. стен. отч., I, 347, 512, 1711, 1834, 1871, 1929, 2246, 2262; II, 213.

Когда оно было отклонено, см. стен. отч., I, 153, 496, 595, 1988; II, 153, 231, 242, 250.

Когда прекращение записи было принято, см. стен. отч., I, 165, 190, 213, 420, 545, 574, 1047, ? 1062, ? 1411, 1433, 1463, 1991, 2005, 2018; II, 153, 213, 218, 276.

Когда оно было отклонено, см. стен. отч., I, 377.

Недостатки старой системы обнаружились весьма скоро. Они были подробно формулированы в рѣчи докладчика Бобина, такъ что мнѣ достаточно воспроизвести аргументы этого депутата (стен. отч., II, 412):

Главный недостатокъ заключается въ томъ, что послѣ легкихъ способовъ сокращенія преній мы сразу видимъ чрезвычайно суровый способъ прекращенія—абсолютную гильотину. Между этимъ способомъ и первыми тремя нѣтъ посредствующей ступени... Затѣмъ, второй недостатокъ это то, что прекращение записи ораторовъ весьма часто оказывается мало практичнымъ. Когда записалось уже много ораторовъ, то прекратить запись не значитъ очень сократить пренія. Затѣмъ пять минутъ кажутся... въ высшей степени неприемлемымъ срокомъ для рѣчи, потому что дѣйствительно этого времени очень мало; едва ли можно сказать содержательную парламентскую рѣчь въ этотъ срокъ, и онъ ведетъ къ неприятнымъ столкновениямъ между ораторами и председателемъ и ставитъ председателя въ тяжелое положеніе. Мы сами были свидѣтелями такихъ чрезвычайно неприятныхъ пререканій между нежелающимъ уходить съ кафедры ораторомъ и председателемъ г. думы. Затѣмъ, что касается абсолютнаго прекращенія преній, то этотъ способъ прекращенія по правиламъ 2-го мая примѣнялся только при обсужденіи общихъ вопросовъ по поводу внесенія законопроекта или предложенія. Спрашивается, почему же только непременно общихъ, почему не допускается прекращенія преній при обсужденіи извѣстнаго вопроса по частямъ?.. Затѣмъ это нераціонально, потому что ораторъ, сокращенный при обсужденіи общаго вопроса, очевидно воспользуется выясненіемъ принципа при обсужденіи отдѣльныхъ статей. Наконецъ, что самое важное, основной недостатокъ правилъ 2 мая это то, что всѣ эти способы сокращенія и прекращенія не могутъ быть приводимы, если противъ нихъ выскажется 50 членовъ думы.

Тотъ же самый Бобинъ указывалъ, что необходимо создать чрезвычайные способы борьбы съ думскимъ многорѣчіемъ, такъ какъ сложная совокупность причинъ вызываетъ въ русской гдуд. думѣ совершенно излишнія для дѣла пренія. Докладчикъ перечислилъ слѣдующія изъ этихъ причинъ: 1) Молодость нашего парламента и неподготовленность населенія: „населеніе требуетъ, чтобы депутатъ разсказалъ объ интересахъ данной колокольни“. 2) Отсутствие солидарности между правительствомъ и парламентомъ: „тонъ внушенія вызываетъ желаніе не оставить рѣчи безъ возраженія“. 3) Отсутствие партійной дисциплины. 4) Возможность агитации съ думской трибуны: „изъ нея дѣлаютъ „кафедру народнаго университета или сцену

¹⁾ См. отказъ председателя поставить прекращеніе преній на голоса при постановкѣ чтенія, стен. отч., II, 30

для театральныя представленія“ (стен. отч., II, 414—415).

Нововведенія наказа заключались въ томъ, что: 1) вмѣсто пятиминутныхъ рѣчей были введены десятиминутныя; 2) квалифицированное меньшинство для всѣхъ способовъ сокращенія преній, кромѣ абсолютной гильотины, было доведено до 100 членовъ и 3) введенъ былъ новый институтъ неполнаго прекращенія преній (см. ниже, § 3141).

Примѣры примѣненія статей наказа о прекращеніи записи и о сокращеніи времени:

Сокращеніе времени принято: стен. отч., II, 488, 618, 723, 917, 932, 987, 1039, 1093, 1141.

Прекращеніе записи принято: стен. отч., II, 485, 618, 723, 826, 896, 917, 932, 987, 1093, 1113, 1141, 1152, 1381.

Председатель обязанъ настаивать на томъ, чтобы ораторы не говорили дольше того времени, какое имъ предоставлено. См. въ этомъ смыслѣ: стен. отч., I, 591, 602, 616, 1249; II, 566, 631, 675, 735, 1016; II, 246. Совершенно нежелательно дѣлать какія либо исключенія, хотя бы и по постановленію думы; ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ простое большинство думы будетъ перерѣшать то, что непосредственно передъ тѣмъ постановило большинство квалифицированное: явленіе совершенно ненормальное. Случай разрѣшенія говорить дольше срока: стен. отч., II, 510 (Родичеву). Случай отказа, несмотря на просьбу оратора: стен. отч. I, 604 (еп. Евлогію).

Наоборотъ, вполне справедливо предоставлять оратору нѣсколько лишнихъ минутъ, сверхъ положеннаго времени, если ему мѣшали говорить, перерывая его рѣчь замѣчаніями и шумомъ. Стен. отч., II, 187.

Председатель. Господинъ ораторъ, вы можете кафедру не покидать и продолжать вашу рѣчь, несмотря на то, что десять минутъ уже истекло; минуты три вы не могли использовать благодаря совсѣмъ неумѣстному поведенію господъ Пуришкевича, Келеповскаго и Созоновича.

§ 141. По письменному предложенію не менѣе 30-ти членовъ думы, сужденія по дѣлу могутъ быть прекращены или съ тѣмъ, что записавшіеся ораторы за и противъ стоящаго на очереди вопроса получаютъ право избрать изъ своей среды не болѣе какъ по 3 оратора съ каждой стороны,—или окончательно.

Примѣчаніе. Избранные такимъ путемъ ораторы могутъ говорить безъ ограниченія времени.

Наказъ, ст. 120, стен. отч., II, 419, ср. рѣчь д. Бобина, стен. отч., II, стр. 416.

Примѣры полнаго прекращенія преній послѣ принятія наказа, см. стен. отч., II, 576, 676, 846, 898, 995, 1018, 1042, 1137, 1163, 1278.

Примѣры отказа въ прекращеніи, см. стен. отч., II, 657, 672, 729, 825, 901, 916, 1061, 1158, 1313.

Въ одномъ случаѣ былъ возбужденъ принципиальный вопросъ: можно ли прекратить

пренія по выслушаніи одного только докладчика, т. е. не допустивъ на трибуну ни одного оратора. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ отрицательно. См. стен. отч., II, 901:

Гессенъ. (г. С.-Петербургъ). Дѣло въ томъ, что по наказу никакое предложеніе не можетъ быть принято безъ преній, а такъ какъ пренія еще не открывались, то я считаю внесеніе такого предложенія несвоевременнымъ и противорѣчащимъ наказу. Поэтому я предложилъ бы выслушать тѣхъ трехъ ораторовъ, которые уже записались, а затѣмъ прекратить пренія, т. е. понимать внесенное предложеніе въ смыслѣ прекращенія записи ораторовъ, а не прекращенія преній, такъ какъ пренія еще не открывались,—и оно противорѣчитъ требованіямъ наказа.

§ 141¹. Подача означенныхъ въ двухъ предшествующихъ параграфахъ предложеній не можетъ служить поводомъ къ перерыву рѣчи оратора, говорящаго въ это время.

Наказъ, ст. 121, стен. отч., II, 419.

§ 141². Предсѣдатель, доводя до свѣдѣнія думы о поступленіи означенныхъ предложеній, объявляетъ число и имена всѣхъ стоящихъ на очереди ораторовъ.

Наказъ, ст. 122. Стен. отч., II, 419.

Смыслъ и цѣль этого постановленія совершенно неясны. Оглашеніе фамилій тѣхъ лицъ, которыя подписали заявленіе о прекращеніи преній, для дѣла является ненужнымъ и, если требуется, то только въ цѣляхъ обструкціи или шиканья. Поэтому, предсѣдатель вправе отказать въ оглашеніи этихъ фамилій. Стен. отч., II, стр. 1313:

Гр. Бобринскій. Позвольте огласить, кто подписалъ. Фамиліи просимъ огласить.

Предсѣдатель. Осталось заслушать еще слѣдующихъ ораторовъ: Синадино, Шидловскаго, Крупенскаго и графа Бобринскаго. Далѣе, докладывая, что нигдѣ въ наказѣ не говорится о томъ, что фамиліи подписавшихъ заявленія должны непременно оглашаться: эти заявленія печатаются, прилагаются къ журналу, и любопытствующіе ихъ могутъ всегда узнать. Тратить время на чтеніе этихъ фамилій, особенно, если это будетъ не 30 подписей, а, можетъ быть, 400, мнѣ кажется, не представляется никакихъ основаній. (Аплодисменты).

Ср. аналогичный случай, стен. отч., I, 59.

§ 141³. Предсѣдатель, доводя до свѣдѣнія думы о поступленіи означенныхъ въ §§ 140—141 предложеній, прочитываетъ всѣ тѣ поправки и предложенія, которыя еще не были оглашены ихъ авторами.

Случай неоглашенія уже записанныхъ ораторовъ, см. стен. отч., II, 566.

Ср. стен. отч., I, 595, 2245; II, 153.

Логическимъ слѣдствіемъ этого правила является выводъ: „разъ пренія прекращены, нельзя вносить новыхъ предложеній“ (стен. отч., I, 2245).

Соблюденіе этого правила совершенно необходимо, такъ какъ иначе пришлось бы ставить на голоса такіа предложенія, противъ которыхъ устаютъ говорить многіе члены, но которыя были оглашены послѣ прекращенія

записи или преній. По этому поводу говорилъ д. Кизеветтеръ, стен. отч., I, 197:

Кизеветтеръ. Я хотѣлъ бы замѣтить слѣдующее: вѣдь пренія были открыты по определенному предложенію, которое было внесено кн. Долгоруковымъ. Затѣмъ, во время преній, были внесены нѣкоторыя новыя предложенія. Нѣкоторыя изъ этихъ вновь внесенныхъ предложеній были заявлены уже послѣ того, какъ была закрыта запись ораторовъ. Такимъ образомъ, тѣ, которые не успѣли до закрытія записи записаться, лишаются возможности высказаться по поводу этого предложенія, хотя они уже будутъ ставиться на баллотировку. Я предложилъ бы слѣдующее: ставить на баллотировку какъ то предложеніе, по которому были открыты пренія, такъ и тѣ предложенія, которыя были внесены во время преній до прекращенія записи ораторовъ. Тѣ же предложенія, которыя во время преній были заявлены послѣ того, какъ запись уже была закрыта, мнѣ кажется, могли бы быть допущены къ обсужденію прежде, чѣмъ ихъ окончательно поставить на баллотировку.

§ 141⁴. Предсѣдатель ставить на голосованіе предложеніе о каждой изъ предложенныхъ мѣръ сокращенія и прекращенія сужденій въ отдѣльности.

Наказъ, ст. 123. Стен. отч., II, 419.

Постановленіе—само собой разумѣющееся.

§ 142. *Въ случаѣ, если внесено предложеніе о сокращеніи или прекращеніи преній, дума постановляетъ рѣшеніе по выслушаніи не болѣе какъ двухъ рѣчей, одной противъ, а другой за сдѣланное предложеніе.*

Этотъ параграфъ соотвѣтствуетъ ст. 124 наказа (стен. отч., II, 420), но я его редактировалъ въ болѣе удобочитаемой формѣ.

§ 143. Предложенія о закрытіи записи (§ 140), о сокращеніи времени (§ 140) и о неполномъ прекращеніи сужденій (§ 141) считаются отклоненными, если противъ нихъ выскажется не менѣе 100 членовъ думы.

Примѣчаніе. Если въ засѣданіи присутствуетъ менѣе 200 членовъ думы, то вопросъ рѣшается простымъ большинствомъ.

Наказъ, ст. 125, съ редакціоннымъ измѣненіемъ (стен. отч., II, 420—428).

При голосованіи этой статьи произошли длинные споры по вопросу о томъ,—назначить ли квалифицированное меньшинство въ 150, 100, 75 или 50 голосовъ. Абсолютнаго критерія въ подобныхъ вопросахъ, конечно, быть не можетъ, такъ какъ вопросъ рѣшается по политическимъ соображеніямъ. Впрочемъ, деп. Ваулинъ (стен. отч., II, 427) правильно подмѣтилъ нѣкоторый эмбрионъ абсолютнаго критерія: взять цифру, превосходящую число членовъ наиболѣе многочисленной партіи, для того чтобы ни одна изъ партій не могла тормозить преній, безъ поддержки другихъ членовъ думы, самостоятельнымъ рѣшеніемъ. Точка зрѣнія удачная, но не всегда осуществимая. Она прошла въ гос. думѣ незамѣченной.

§ 143¹. При поступленіи предложенія о непол-

номъ прекращеніи преній (§ 142) председатель, по заявленію кого либо изъ членовъ думы, объявляетъ передъ голосованіемъ перерывъ на 10 минутъ.

Наказъ, ст. 126. Стен. отч., II, 428.

§ 143². Предложеніе о полномъ прекращеніи преній отклоняется, если противъ него выскажется болѣе 50 членовъ.

Наказъ, ст. 127. Стен. отч., II, 431.

Велѣдствіе невыдержанной редакціи, для первыхъ трехъ способовъ нужно не менѣе 100 членовъ (т. е. достаточно и ровно сто), а для полного прекращенія преній нужно болѣе 50 членовъ (т. е. ровно пятьдесятъ недостаточно, см. такой случай, стен. отч., II, 1018).

§ 144. Заявленія о нарушеніи наказа, по личному вопросу и о направленіи обсуждаемаго вопроса, ограничиваются пятью минутами, причемъ никакія пренія объ этихъ заявленіяхъ не допускаются.

Наказъ, ст. 107, въ измѣненной редакціи.

§ 145. Послѣ объявленія председателемъ сужденій по дѣлу прекращенными, предоставляется слово оратору, записанному ранѣе по личному вопросу, а также министрамъ или главноуправляющимъ, докладчикамъ комиссій или автору обсуждаемаго предложенія, если они пожелаютъ этимъ словомъ воспользоваться. Если имъ воспользуется министръ или главноуправляющій, то сужденія по дѣлу возобновляются по требованію хотя бы одного члена думы.

Наказъ, ст. 128. Стен. отч., II, 432.

Примѣръ изъ практики, стен. отч., II, 513:

Председатель. Председатель бюджетной комиссіи передаетъ свое слово докладчику бюджетной комиссіи Струве.

Голоса. Это нельзя.

Председатель. Я слышу, что раздаются голоса: „нельзя“. Докладчики говорятъ послѣ прекращенія записи ораторовъ.

Порядокъ допущенія авторовъ внесенныхъ предложеній говорить послѣ прекращенія преній—былъ примѣненъ съ успѣхомъ при аграрныхъ преніяхъ. См. стен. отч., II, 657.

Председатель. За подписью 31 члена думы поступило предложеніе о прекращеніи преній по аграрному вопросу. Прошу имѣть въ виду, что хотя бы пренія и были прекращены, но, тѣмъ не менѣе тѣ группы членовъ думы, которыя подали письменныя заявленія за подписью 30 или болѣе членовъ думы, съ изложеніемъ самаго законопроекта или основныхъ положеній, будутъ имѣть право выставить по одному оратору. Такихъ группъ 6. Слѣдовательно, послѣ прекращенія преній мы можемъ заслушать еще 6 ораторовъ.

Въ случаѣ, если послѣ прекращенія записи въ дебаты вмѣшивался министръ, О. А. Головинъ возобновлялъ запись *de jure*. Наврядъ ли это соотвѣтствуетъ точному смыслу наказа. См. стен. отч., I, 1460:

Председатель. Три члена государственной думы—Родичевъ, Тесленко и Наливкинъ просятъ слова. (Голоса: просимъ просимъ). Дума, постановляя прекратить запись ораторовъ, не имѣла

въ виду, что министръ юстиціи сдѣлаетъ разъясненіе. Полагаю, что разъясненіе министра юстиціи можно разсматривать, какъ новое обстоятельство, не учтенное прежде, и поэтому полагаю, что можно было бы пренія продолжать по тѣмъ вопросамъ, которые затронулъ министръ юстиціи. Ставлю на баллотировку вопросъ о разрѣшеніи записавшимся ораторамъ обсужденіе тѣхъ вопросовъ, которые были затронуты министромъ юстиціи. (Голоса справа: не только записавшимся, но и другимъ всѣмъ желающимъ). Ставлю на баллотировку это предложеніе. (Производится баллотировка вставаніемъ). Принято. Слово принадлежитъ члену думы Родичеву.

Ср. также стен. отч., I, 2066, 2332; II, 522.

§ 146. Отвергнутыя предложенія о прекращеніи записи, ограниченіи времени и прекращеніи преній—могутъ быть возобновлены даже и по истеченіи незначительнаго промежутка времени.

Протестъ Крупенскаго, см. стен. отч., II, 672, 676.

§ 147. Несмотря на состоявшееся прекращеніе записи, въ списокъ ораторовъ могутъ быть внесены новыя имена, если государственная дума признаетъ это справедливымъ.

Такихъ случаевъ во второй думѣ не было.

§ 148. Не дозволяется просить о прекращеніи преній иными способами, кромѣ указанныхъ въ §§ 141—147.

§ 149. Если пренія прекращены, никакія дальнѣйшія рѣчи не допускаются.

§ 149¹. Когда исчерпанъ списокъ ораторовъ, или когда состоялось постановленіе думы о полномъ прекращеніи сужденій по дѣлу, председатель объявляетъ сужденія по дѣлу прекращенными. Наказъ, ст. 129, стен. отч., II, 432.

Добавленіе Въ государственномъ совѣтѣ вопросъ о сокращеніи преній регулируется двумя статьями наказа, слѣдующаго содержанія:

73. Въ случаѣ затянувшихся преній государственный совѣтъ, по предложенію председателя или по заявленію одного изъ членовъ совѣта, поддержанному не менѣе, чѣмъ десятью членами, можетъ постановить о прекращеніи записи членовъ, желающихъ говорить по обсуждаемому предмету, или сверхъ того о назначеніи записавшимся уже членамъ сокращеннаго противъ опредѣленнаго статьей 66 срока для произнесенія рѣчей по сему предмету. Означенное предложеніе или заявленіе можетъ быть сдѣлано по окончаніи рѣчи каждаго говорящаго лица и разрѣшается совѣтомъ безъ преній.

74. Если по окончаніи преній министръ или главноуправляющій, либо замѣняющее его въ засѣданіи государственнаго совѣта лицо, а также докладчикъ комиссіи заявитъ, на основаніи статьи 71 сего наказа, о желаніи получить слово, то пренія считаются возобновленными. Однако, по выслушаніи означенныхъ лицъ, государственный совѣтъ, по предложенію председателя или не менѣе, чѣмъ десяти членовъ, можетъ не допустить продолженія преній. Такое предложеніе разрѣшается совѣтомъ безъ преній.

Пренія по этому вопросу—мало интересныя—

изложены въ стен. отч., 4-юня 1906 г., ст. 10—11. Отмѣчу, что полное прекращеніе преній было предусмотрено въ проектѣ Манухина, но вычеркнуто по предложенію Багалѣя. Постановленіе о томъ, что пренія возобновляются, если выступить докладчикъ, является совершенно неожиданнымъ и противорѣчитъ привилегированному положенію, обыкновенно предоставляемому избраннику комиссіи. На практикѣ, такъ какъ г. совѣтъ не знаетъ квалифицированного меньшинства, ст. 73 и 74 наказа сводятся къ тому, само собой разумѣющемуся, тезису, что если большинство желаетъ прекратить пренія, то оно ихъ и прекращаетъ.

Примѣры изъ практики, см. ст. стен. отч., II сессія, стр. 95 и 616.

Ал. Пиленко.

Привилегія въ пользу грузовъ, перевозимыхъ за границу.

Въ сборникѣ тарифовъ рос. жел. дорогъ отъ 10 апрѣля 1902 года за № 1355 напечатанъ циркуляръ главнаго управленія желѣзныхъ дорогъ отъ 28—30 января 1902 года за № 5106/22, въ коемъ, во избѣжаніе ответственности дорогъ за порчу хлѣба, предписывается станціямъ сдаваемые для перевозки въ Германію хлѣбные грузы тщательно осматривать и о всѣхъ замѣченныхъ недостаткахъ, могущихъ повлечь за собою дальнѣйшую порчу груза, составлять надлежащіе акты. Дѣло въ томъ, что по мнѣнію германскихъ судовъ и тамошнихъ экспертовъ отруби и другіе хлѣбные грузы отъ свойства своего не могутъ превращаться въ комья или плѣснѣть, въ виду чего тамъ въ Германіи присуждаютъ истцамъ вознагражденія за эти порчи. Правда, что къ претензіямъ международныхъ перевозокъ примѣнима Бернская конвенція, а не общій уставъ рос. жел. дорогъ, но по отношенію къ данному вопросу 4 пунктъ 31 ст. Бернской конвенціи гласитъ одно и то же что 4-ый пунктъ 104 ст. общ. уст. рос. ж. д., т. е. въ обѣихъ статьяхъ говорится лишь о грузахъ, кои по самымъ природнымъ свойствамъ своимъ подвержены поврежденію (*danger particulier*), къ каковымъ грузамъ безусловно отруби и другіе хлѣбные грузы не относятся.

Между тѣмъ по здѣшней судебной практикѣ такіе иски почти всегда проигрываются, ибо благодаря извѣстному рѣшенію гражд. кассац. департ. № 38/901, истецъ, требующій вознагражденія за порчу хлѣба, прежде всего долженъ доказать, что таковой сданъ на желѣзную дорогу въ хорошемъ состояніи; такое обстоятельство возможно только доказывать свидѣтельскими показаніями, кои найти очень трудно, если же истцу, удастся найти свидѣтеля, то имѣя въ виду, что дѣла эти долго тянутся, судъ по

большей части не придаетъ вѣры ихъ показаніямъ, мотивируя тѣмъ, что невозможно допустить, дабы свидѣтель помнилъ, какой именно хлѣбъ имъ сданъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на желѣзную дорогу.

Такимъ образомъ, германцы въ этомъ отношеніи привилегированы, ибо тамъ присуждаются деньги за счетъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ ихъ пользу, въ то время, когда у насъ тѣ же иски проигрываются да еще приходится доплачивать желѣзнымъ дорогамъ громадныя издержки.

Вопросъ только, насколько это логично и справедливо?

М. Гр.—Сосновецъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

Засѣд. гражд. касс. деп. 12 декабря.

I.

Вправъ ли наследники, не принадлежащіе къ числу лицъ, указанныхъ въ ст. 1352 и 1353 уст. гр. суд., предъявить встречный искъ о незаконности рожденія лица, отыскивающего отъ нихъ наследство.

Къ имуществу бездѣтно умершей Бибиковой, урожденной Ефимьевой, утвердились въ правахъ наследства дальніе родственники ея по боковой линіи, Митусовы; къ нимъ предъявилъ искъ о признаніи за нимъ преимущественнаго права наследованія племянникъ наследодательницы Дмечовъ-Ефимьевъ, который, при предъявленіи иска, значился по метрическому свидѣтельству подкидышемъ отъ неизвѣстныхъ родителей, но затѣмъ, во время производства дѣла, по особому опредѣленію суда, былъ признанъ законнымъ сыномъ брата наследодательницы и его жены. Противъ свидѣтелей, на основаніи показаній коихъ состоялось это опредѣленіе суда, было возбуждено уголовное преслѣдованіе по обвиненію въ дачѣ ложныхъ показаній, а противъ истца Дмечова—въ подкупѣ этихъ свидѣтелей, но уголовнымъ судомъ всѣ они были оправданы за недоказанностью самаго событія преступленія. Искъ Дмечова о признаніи его наследственныхъ правъ былъ затѣмъ удовлетворенъ спб. суд. палатою, а встречный искъ Митусовыхъ о признаніи Дмечова незаконнорожденнымъ былъ палатою отвергнутъ, по слѣд. основаніямъ. Какъ для отысканія законности рожденія, такъ и для оспариванія оной, закономъ установленъ особый порядокъ, который, въ качествѣ исключительнаго, не можетъ подлежать распространительному толкованію. Митусовы не принадлежатъ къ числу лицъ, которымъ, по силѣ ст. 1352 уст. гр. суд., единственно присвоено право на оспариваніе законности рожденія, и сверхъ того искъ предъявленъ ими по истеченіи срока, предусмотрѣннаго ст. 1353 устава. Требованіе Митусовыхъ не можетъ поэтому быть уважено въ смыслѣ требованія встречнаго, но оно можетъ и должно быть рассмотрѣно, какъ возраженіе противъ главнаго иска. Это возраженіе о томъ, что Ефимьевъ не родился въ законномъ бракѣ супруговъ Ефимьевыхъ, представляется, однако, недоказаннымъ; правдивость свидѣтельскихъ показаній, коими руководствовался окр. судъ при признаніи Ефимьева законнымъ сыномъ брата наследодательницы и его жены, незыблемо установлена приговоромъ уголовного суда, оправдавшимъ ихъ въ возбужденномъ противъ нихъ Митусовыми обвине-

ни по ст. 942 улож. о нак. Въ настоящемъ дѣлѣ остаются, правда, невыясненными причины, почему Ефимьева подкинула своего родного сына и почему супруги Ефимьевы не принимали, хотя бы впоследствии, мѣръ къ исправленію преступнаго ихъ отношенія къ своему сыну. Но эти мотивы не имѣютъ юридическаго значенія, какъ и отзывы врачей, что Ефимьева и не могла имѣть дѣтей, ибо, какъ показываетъ опытъ, сужденія докторовъ по этому вопросу нерѣдко бываютъ ошибочны.

Касс. жалобу отвѣтчиковъ поддерживалъ прис. пов. Пассоверъ, ходатайствовавшій объ отмѣнѣ рѣшенія палаты по слѣд. основаніямъ. Законодательныя нормы, ограничивающія весьма тѣсными предѣлами возможность споровъ противъ законности рожденія, имѣютъ въ виду только тѣ случаи, когда споръ заявленъ предполагаемымъ отцомъ; фактъ происхожденія отъ даннаго отца почти не доказуемъ, законодательству приходится прибѣгать здѣсь къ предположеніямъ—*pater est quem nuptiae demonstrant*,—и потому здѣсь умѣстенъ и исключительный порядокъ для предьявленія споровъ. Но не невозможно оспариваніе законности рожденія напр. предполагаемой матерью, и уже въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого основанія примѣнять исключительныя нормы, ибо оспаривается обстоятельство, могущее быть объективно доказаннымъ,—стало быть, всѣми возможными законными способами. Еще менѣе примѣнимъ этотъ исключительный порядокъ въ настоящемъ дѣлѣ, гдѣ отвѣтчики оспаривали собственно не законность рожденія Дмцова, а только фактъ происхожденія его отъ Ефимьевыхъ. Правда, здѣсь была допущена неточность въ выраженіяхъ въ исковомъ прошеніи о признаніи Дмцова „незаконнорожденнымъ“. Но эта неточность не могла и не должна была стѣснять судъ въ разсмотрѣніи встречнаго иска,—нашъ процессъ не стоитъ уже на той, давно пережитой, точкѣ зрѣнія, что судъ обязанъ рѣшать дѣло въ точности по формулѣ, заявленной истцами („wie angebracht“). Отвергнувъ возможность встречнаго иска, палата разсмотрѣла его въ видѣ возраженія противъ главнаго иска. Но выслушивать кого либо въ качествѣ правомѣрнаго истца или же въ качествѣ лица, относительно котораго уже заранее рѣшено, что оно собственно и права на споръ не имѣетъ,—это разница весьма существенная; и естественно, что, разсматривая „возраженіе“ Митусовыхъ, палата допустила весьма важное нарушеніе правъ отвѣтчиковъ, признавъ показаніе четырехъ свидѣтелей „незыблемо“ правдивымъ, въ силу приговора уголовного суда. Съ этою незыблемою правдивостью отнюдь нельзя согласиться, прежде всего, съ житейской стороны. Если, рекомендуя человека, скажутъ, что онъ обвинялся, напр., въ кражѣ, но былъ прис. засѣдателями оправданъ, то такая аттестація едва ли можетъ послужить на пользу аттестуемаго; въ лучшемъ случаѣ это будетъ свидѣтель такой же, какъ всѣ другіе, но отнюдь не незыблемо правдивый. Но въ данномъ случаѣ не дошло и до вопроса о виновности. Присяжные признали недоказанной преступность намѣреній Дмцова или даже его недобросовѣстность. Но недоказанное въ опредѣленномъ порядкѣ процесса—именно уголовного—не можетъ связывать судъ гражданскій въ установленіи самаго факта. Тѣмъ менѣе это возможно въ настоящемъ дѣлѣ. Какъ ни мало будучи освѣдомленнымъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ, нельзя не знать ст. 27 уст. угол. суд., въ силу коей вопросы правъ состоянія разрѣшаются именно гражданскимъ судомъ. Здѣсь же палата, какъ бы закрывая глаза на цѣлый рядъ свидѣтельскихъ показаній, отвергающихъ самую возможность происхожденія Дмцова отъ Ефимьевой, признала для себя предустановленнымъ доказательствомъ показаніе четырехъ свидѣтелей,—только потому, что уголовный судъ не призналъ ихъ виновными въ дачѣ ложныхъ показаній. При такомъ одностороннемъ освѣщеніи матеріала, судебное рѣ-

шеніе не можетъ быть признано постановленнымъ законно.

Повѣренный Дмцова, прис. пов. Сигаль, ходатайствуя объ оставленіи жалобы безъ послѣдствій, указалъ, что если бы вовсе не имѣлось опредѣленія суда о признаніи Дмцова сыномъ Ефимьевыхъ, а имѣлась бы только соотвѣтственная метрическая запись, то и такая создавала бы законную презумпцію правильности засвидѣтельствованнаго записью факта; тѣмъ большаго довѣрія заслуживаетъ запись основанная на судебномъ опредѣленіи, и сторона, правильность такой записи оспаривающая, обязана доказать свои возраженія. Только эту обязанность доказать незаконное происхожденіе Ефимьева палата и возложила на истцовую сторону. Упрекъ, будто палата предоставленныхъ доказательствъ не проверила, совершенно ею не заслуженъ, ибо тѣхъ свидѣтелей, на показаніи которыхъ она основала свое рѣшеніе, палата даже сама передопросила. Большаго она не могла сдѣлать; вѣдь надо считаться съ тѣмъ обстоятельствомъ, что эти свидѣтели не только были оправданы по обвиненію въ дачѣ ложныхъ показаній, но прис. засѣдателями были отвергнуты и самый фактъ преступленія. Если затѣмъ палата пришла къ тому же выводу, къ какому пришелъ судъ первой инстанціи, какъ и судъ уголовный и судъ, разсматривавшій дѣло въ охранительномъ порядкѣ,—то трудно отвергнуть правильность этого вывода тѣмъ способомъ, къ которому прибѣгли кассаторы, выписавъ въ касс. жалобѣ показанія свидѣтелей, признанныхъ палатою недостоверными.

Прис. пов. Винаверъ, въ качествѣ повѣреннаго той же стороны, объяснилъ, что указаніе кассатора о несущественности допущенной неточности въ формулировкѣ иска, будучи неправильнымъ по существу—ибо теперь иски разрѣшаются „wie angebracht“,—идетъ въ то же время мимо основного вопроса, возникающаго въ настоящемъ дѣлѣ. Вопросъ о правѣ Митусовыхъ на предьявленіе спора о законности рожденія былъ поставленъ отвѣтною стороною, но рѣшенъ палатою противъ нея; Митусовымъ, стало быть, не приходится жаловаться на то, что они не были выслушаны. Мало того, палата предоставила Митусовымъ возможность оспаривать происхожденіе Ефимьева даже не путемъ иска, а въ формѣ возраженія противъ иска; едва ли можетъ подлежать сомнѣнію подтверждаемый повседневною практикою фактъ, что возражать—гораздо легче и удобнѣе, чѣмъ обосновывать и доказывать самостоятельный искъ; и совершенно непонятно, чего еще требуютъ истцы, почему имъ такъ важно провести свой споръ въ видѣ встречнаго иска, а не въ видѣ возраженія. Не правильно и указаніе, будто палата, закрывъ глаза, признала непререкаемо достовернымъ показаніе опредѣленныхъ свидѣтелей; напротивъ того, палата категорически оговариваетъ, что показаніе, субъективно правдивое, можетъ, однако, быть объективно неправильнымъ, и съ этой точки зрѣнія подвергаетъ эти показанія детальному анализу, сопоставляетъ ихъ съ показаніями другихъ свидѣтелей по дѣлу и т. д. И въ этомъ отношеніи палата такимъ образомъ сдѣлала все, что была обязана сдѣлать.

Тов. об.-прок. А. Н. Рождественскій полагалъ признать жалобу уважительною; какъ это уже разъяснялось правит. сенатомъ, при отсутствіи судебного удостовѣренія законности рожденія требованіе формальныхъ доказательствъ не должно имѣть мѣста, и палата не въправѣ была устранить встречный искъ по формальнымъ основаніямъ.

Рѣшеніе палаты отмѣнено по нарушенію ст. 1348, 1352 и 411 уст. гр. суд.

Правит. сенатъ.

(Засѣданіе угол. касс. деп. 11 декабря).

V.

Подходитъ ли подъ 1 п. 132 ст. угол. ул., говорящей о составленіи сочиненія преступнаго содержанія, обсужденіе сочиненія, составленнаго другими лицами, и измѣненіе въ этомъ сочиненіи заголовка?

Особое присутствіе с. петербургской судебной палаты разсматривало 13 марта 1907 г. дѣло по обвиненію Ивана Бибикова, Шай Голощекина, Андрея Битнера по 1 ч. 126 ст. уг. ул. Особымъ присутствіемъ Иванъ Бибиковъ, Александръ Антоновъ, Симонъ Бронштейнъ, Берко Галеркинъ и другіе признаны виновными въ томъ, что 23 іюля 1906 года, совмѣстно, въ Петербургѣ, въ лѣсномъ участкѣ, въ квартирѣ Александра Грушке, участвовали въ обсужденіи составленнаго другими лицами и въ другомъ мѣстѣ воззванія ко всѣмъ гражданамъ, въ коемъ, въ виду роспуска государственной думы, народонаселеніе призывалось, въ цѣляхъ измѣненія существующаго общественнаго строя и достиженія народовластія, къ борьбѣ съ правительствомъ и къ революціонному единенію съ арміей и флотомъ и, въ цѣляхъ распространенія этого воззванія среди рабочихъ, изложили такое въ формѣ обращенія не ко всѣмъ гражданамъ, а къ рабочимъ, и не отъ имени разныхъ политическихъ партій и ихъ фракцій, а отъ имени исполнительнаго комитета районныхъ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ. Преступное дѣяніе, въ совершеніи коего признаны виновными перечисленные выше подсудимые, являясь сочиненіемъ воззванія, призывающаго къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя, съ цѣлью распространенія такового воззванія, предусмотрѣно 132 ст. уг. ул., пунктъ 1. По обстоятельствамъ дѣла особое присутствіе считаетъ справедливымъ заключить каждого изъ обвиняемыхъ подсудимыхъ въ крѣпость на 1 годъ и шесть мѣсяцевъ съ зачетомъ, согласно 54 ст. уг. ул., въ наказаніе времени, проведеннаго ими подъ стражей по предварительному по сему дѣлу заключенію по настоящій день. Тѣмъ же особымъ присутствіемъ подсудимый Голощекинъ признанъ виновнымъ еще и въ томъ, что 21 іюля 1906 года, въ посадѣ Колпино, на собраніи безработныхъ публично произнесъ рѣчь, въ которой призывалъ слушателей къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя, т. е. въ дѣяніи, предусмотрѣнномъ 2 п. 1 ч. 129 ст. уг. ул. Переходя къ опредѣленію наказанія, особое присутствіе, постановляя приговоръ по совокупности преступленій, въ совершеніи коихъ Голощекинъ признанъ виновнымъ, въ окончательномъ выводѣ приговариваетъ его къ заключенію въ крѣпости на два года, съ зачетомъ ему въ наказаніе предварительнаго заключенія. На этотъ приговоръ палаты были принесены правит. сенату кассационныя жалобы. Одна жалоба отъ всѣхъ осужденныхъ по 1 п. 132 ст. уг. ул. и отъ Шай Голощекина въ томъ числѣ; другая отъ одного Голощекина по обвиненію его по 129 ст. уг. ул. Сущность первой жалобы сводилась къ слѣдующему. Толкованіе палаты 1 п. 132 ст. уг. ул. является произвольнымъ и противорѣчитъ смыслу поставленнаго особымъ присутствіемъ на свое разрѣшеніе вопроса, ибо 1 п. 132 ст. говоритъ совершенно опредѣленно о составленіи сочиненій, а отнюдь не объ обсужденіи сочиненій, составленныхъ другими лицами и въ другомъ мѣстѣ и не объ измѣненіи заголовка въ составленномъ другими лицами воззваніи. Не слово обращенія составляетъ преступный характеръ воззванія, а содержаніе его, соотвѣтствующее признакамъ 128 или 129 статей уг. ул. Между тѣмъ палата признала въ своемъ отвѣтѣ, что измѣненіе лишь касалось того, къ

кому и отъ кого съ воззваніемъ обращались, чѣмъ категорически установила, что преступное содержаніе было вложено въ воззваніе не обвиняемыми, а „другими лицами и въ другомъ мѣстѣ“. Затѣмъ судебная палата, признавъ, что обвиняемые изложили воззваніе отъ имени комитета, не установила, было ли это воззваніе подписано и кѣмъ. Безъ подписи можно говорить лишь о приготовленіи или покушеніи на составленіе, но не объ оконченномъ составленіи. Но ни приготовленіе, ни покушеніе на составленіе сочиненія не наказуемы. Судебная палата неправильно допустила оглашеніе показаній казеннаго Топорникова, который по сему дѣлу на предварительномъ слѣдствіи допрошенъ не былъ, а давалъ свои показанія по другому дѣлу. Прочтеніемъ показанія Топорникова судебная палата допустила нарушеніе 625, 626 и 687 ст. уг. суд. Вторая жалоба указываетъ на то, что палата неправильно усмотрѣла въ словахъ подсудимаго, „что наступило время всѣмъ рабочимъ встать подъ красное знамя и начать борьбу активную съ правительственными властями“ возбужденіе къ ниспроверженію существующаго общественнаго строя. Стать подъ красное знамя еще не значитъ ниспровергать строй; подъ красными знаменами можно демонстрировать, на примѣръ, заявлять о желательности извѣстныхъ улучшеній, на примѣръ, требовать 8-ми-часового рабочаго дня. Не краснымъ знаменемъ обусловливается наличность преступления, а тѣмъ, что дѣлается съ нимъ въ рукахъ. Борьба съ властями, вѣрнѣе, съ властью, можетъ стать преступною лишь при наличности преступныхъ средствъ. Въ рѣчи же не было указаній на призывъ къ борьбѣ именно такими средствами. Необходимо признать, что въ указанномъ дѣяніи нѣтъ признаковъ преступления, предусмотрѣннаго 2 п. 129 ст. уг. ул.

Правит. сенатъ кассационныя жалобы, за силою 912 ст. уст. уг. суд., оставилъ безъ послѣдствій.

С.Петербургская судебная палата.

Дѣло о выборскомъ воззваніи.

(Продолженіе).

Рѣчь Кокошкина.—Я подписалъ выборское воззваніе и тѣмъ не менѣе я не признаю себя виновнымъ. Я желалъ бы, г. г. судьи и сословные представители, объяснить тѣ мотивы, по которымъ я подписалъ, и тѣ основанія, по которымъ я не признаю себя виновнымъ. Тотъ документъ, который извѣстенъ подъ названіемъ выборскаго воззванія, составляетъ лишь одинъ эпизодъ въ великомъ историческомъ спорѣ, въ великой борьбѣ между старымъ и новымъ порядкомъ, между старой и новой Россіей. Для меня нѣтъ сомнѣній, я убѣжденъ, что всѣ мои сотоварищи по скамьѣ подсудимыхъ раздѣляютъ мое мнѣніе, что разрѣшеніе этого спора не можетъ имѣть мѣста здѣсь въ этихъ стѣнахъ, въ залѣ суда. Для насъ для нашего дѣянія, есть иной, высшій судъ,—судъ народа и исторіи. Но мы вездѣ, гдѣ бы ни находились, и при всѣхъ обстоятельствахъ считаемъ своею обязанностью дать объясненіе, почему мы поступили такимъ образомъ, и со особой готовностью дадимъ ихъ здѣсь, зная, что двери вашего суда открыты, что насъ слушаетъ вся Россія. Мы были народными представителями, этого мало,—мы были нѣчто большее: мы были первыми народными представителями. Быть можетъ, по нѣкоторой естественной ошибкѣ, по неизбѣжной политической неопытности, но народъ на насъ смотрѣлъ, на насъ возложилъ всѣ свои надежды, свои стремленія, народъ ожидалъ отъ насъ всего. Именно отъ насъ онъ ожидалъ обновленія государственнаго строя, ожидалъ, что мы выведемъ страну на путь широкаго мирнаго развитія. Эти надежды лежали на

насъ страшной тяжестью ответственности передъ народомъ. Этой тяжести не знали ни одинъ гражданинъ нашего народа до насъ и, быть можетъ, послѣ насъ не узнаетъ никто. Но мы не боялись этой тяжелой ответственности, потому что мы знали нужды и желанія народа; мы знали, что сумѣемъ воплотить ихъ въ практически осуществимую форму; мы знали, что мы сильны нашимъ единодушіемъ, несмотря на различіе мнѣній среди насъ, мы знали, что наше дѣло по существу своему одно и то же. Мы хотѣли участвовать въ актѣ, который сдѣлалъ бы Россію страной свободы, гдѣ право поставлено выше всего, гдѣ праву подчинены всѣ, отъ высшаго представителя власти до послѣдняго гражданина. Мы хотѣли сдѣлать Россію страной счастливой и процвѣтающей, и мы знали, что для этого путь одинъ—это путь подъема благосостоянія низшихъ трудящихся классовъ населенія. Мы хотѣли сдѣлать Россію страной сильной и могущественной не внѣшнимъ и механическимъ единствомъ, а единствомъ внутренней организаціи, которое совмѣщается съ разнообразіемъ мѣстныхъ условій, съ уваженіемъ къ особенностямъ всѣхъ народностей, ее населяющихъ. Въ этомъ желаніи мы сходились всѣ независимо отъ общественнаго положенія и національности; въ этомъ всѣ мы были единодушны—дворяне и крестьяне, землевладѣльцы и рабочіе, великороссы и поляки, грузины, армяне, евреи, мусульмане, и мы чувствовали за собой великую силу. Но осуществить это намъ не удалось. Существовалъ элементъ, отъ сотрудничества котораго зависѣло выполненіе нашей задачи,—это было правительство, это было министерство. Мой уважаемый товарищъ по скамьѣ подсудимыхъ, И. И. Петрункевичъ уже указалъ въ общихъ чертахъ то отношеніе, которое встрѣтила первая дума со стороны министерства. Я сказалъ бы, что это отношеніе было своего рода пассивнымъ сопротивленіемъ, не тѣмъ пассивнымъ сопротивленіемъ, о которомъ говорится въ составленномъ нами актѣ, а пассивнымъ сопротивленіемъ иного рода. Мы не встрѣчали со стороны министерства ни одного законопроекта, отвѣчающаго серьезности момента. Мы почти не видѣли министровъ въ думѣ; они уклонялись отъ обсужденія вопросовъ, которые мы поднимали; они являлись лишь иногда, чтобы давать въ законный срокъ отвѣты и объясненія на наши запросы, но и тогда, большей частью, они не являлись лично, они посылали вмѣсто себя второстепенныхъ чиновниковъ. Одинъ только разъ мы увидѣли министерство въ полномъ составѣ,—это было въ день 13 мая, когда правительство явилось передъ нами лишь для того, чтобы на всѣ народные нужды отвѣтить отказомъ, и чтобы на самое заветное народное желаніе,—на желаніе обезпеченія крестьянъ землею, которое мы признали неосуществимымъ безъ принудительнаго отчужденія,—чтобы отвѣтить на это „безусловно недопустимо“, вторгаясь, такимъ образомъ, въ область законодательной власти, тогда какъ должностныя лица, по точному смыслу нашихъ законовъ, обладаютъ лишь властью исполнительной и ни для какихъ законодательныхъ предположеній ставить абсолютныя преграды отъ себя не имѣютъ никакого права. Все отношеніе министерства къ намъ въ теченіе 70-ти дней существованія думы ясно показало, что съ этой стороны сотрудничества мы ожидать не можемъ, что съ этой стороны—пока лишь выжидательное пассивное отношеніе къ намъ, которое должно найти исходъ современемъ въ формѣ неожиданнаго нападенія; и если для этого нужны были доказательства, то мы имѣли ихъ передъ собою въ тѣхъ телеграммахъ, которыя печатались тогда въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, въ телеграммахъ, осыпавшихъ оскорбленіями госуд. думу и призывавшихъ къ государственному перевороту, къ нарушенію основныхъ законовъ. Мы не знали еще тогда, въ какой формѣ выразится это отношеніе правительства къ намъ, но мы предвидѣли съ этой стороны ударъ, мы

предвидѣли нападеніе, и оно послѣдовало 8 іюля въ видѣ роспуска думы. Самый характеръ этого акта показалъ намъ, что мы имѣемъ дѣло не съ мирнымъ, конституціоннымъ роспускомъ народного собранія, съ однимъ изъ тѣхъ роспусковъ, которые происходятъ постоянно въ западной Европѣ, которые читаются съ парламентской трибуны уполномоченнымъ главы государства и сопровождаются кликами въ честь монарха, со стороны народныхъ представителей, хорошо знающихъ, что права ихъ гарантированы, что черезъ короткое время произойдутъ новые выборы, что роспускъ есть только апелляція къ странѣ. Нашъ роспускъ имѣлъ совсѣмъ иной характеръ. Въ самомъ актѣ этого роспуска заключалось существенное отступленіе отъ основныхъ законовъ и другихъ законовъ, дѣйствующихъ въ российской имперіи. Вопреки основнымъ законамъ, актъ этотъ не былъ контрассигнованъ, а если контрассигновка была, то, слѣдовательно, онъ былъ опубликованъ не въ подлинномъ видѣ. Далѣе, въ актѣ роспуска не было указано срока слѣдующихъ выборовъ. Эти два отступленія, на которыя я указалъ, получили тѣмъ большее значеніе, что потомъ при роспускѣ второй думы оба эти условія были соблюдены и тѣмъ самымъ была признана ихъ необходимость. Но есть еще болѣе важное отличительное свойство этого акта роспуска, которое ставило его въ принципиальное противорѣчіе со всѣмъ строемъ, установленнымъ актомъ 17 октября и основными законами. 27 апрѣля дума была распущена на такой срокъ, что разсмотрѣніе и утвержденіе бюджета думою не могло произойти въ то время, которое установлено основными законами и учрежденіемъ государственной думы. По этимъ законамъ проектъ государственной росписи долженъ быть обязательно внесенъ въ государственную думу въ сентябрѣ мѣсяцѣ и разсмотрѣнъ ею до декабря. Вопреки этимъ законамъ, роспускъ думы былъ произведенъ такъ, что въ самомъ началѣ дѣятельности народного представительства, въ теченіе перваго же года, когда для укрѣпленія его требовалось огромное довѣріе къ прочности этого порядка со стороны всего населенія и строго лояльный образъ дѣйствій со стороны всѣхъ представителей власти,—именно въ этотъ первый годъ дѣятельности народное представительство было лишено основного принадлежащаго ему по конституціи права, права разсмотрѣнія бюджета. Мой старшій сотоварищъ по партіи и по скамьѣ подсудимыхъ говорилъ уже о внѣшнихъ обстоятельствахъ этого акта. Эти внѣшнія обстоятельства говорили ясно, что мы не имѣемъ дѣла съ обычнымъ конституціоннымъ актомъ. Когда объявляется война, то, конечно, не стѣсняются соблюденіемъ внѣшнихъ формъ, въ которыхъ прерываются сношенія. Именно съ такимъ порядкомъ, съ объявленіемъ войны, мы имѣли дѣло при роспускѣ думы. Не съ думской трибуны, не отъ представителя высшей власти мы услышали, что мы распущены. Нѣтъ, выйдя на улицу, мы узнали объ этомъ изъ объявленій, расклеенныхъ на заборахъ фонарныхъ столбахъ, и рядомъ съ ними висѣли другія объявленія о введеніи въ Петербургъ чрезвычайной охраны, и объ обязательныхъ постановленіяхъ спб. градоначальника. Намъ былъ ясенъ смыслъ этого, намъ было ясно, что здѣсь мы не имѣли дѣла съ нормальными функциями правительства, которыя принадлежатъ во всѣхъ конституціонныхъ странахъ главѣ правительственной власти; нѣтъ, мы имѣли дѣло съ чѣмъ-то инымъ, съ актомъ политической борьбы, съ стремленіемъ не провѣрить согласіе народного представительства съ мнѣніемъ народа, а подавить самую идею народного представительства. Мы всѣ были убѣждены, что правамъ народного представительства и правамъ всѣхъ избирателей, которые стоятъ за нами, грозитъ серьезная опасность. Какъ было поступить намъ въ этомъ положеніи? Что мы могли сдѣлать,—мы, первые народные представители, сосредоточивавшіе на себѣ всѣ чаянія и надежды страны, которымъ

избиратели вручили защиту всѣхъ своихъ правъ интересовъ? Молчать мы не могли, это, можетъ быть, было бы актомъ, который былъ бы для насъ наиболѣе удобнымъ, если бы мы могли руководиться своими личными интересами. Но мы, кого народъ призналъ своими вождями, мы не могли молчать, это было бы актомъ безчестнымъ съ нашей стороны, мы должны были говорить. Что же должны были мы сказать? Существовала въ первой думѣ небольшая группа лицъ, которая обратилась къ народу съ особымъ воззваніемъ. Въ этомъ воззваніи народъ призывался спокойно ожидать слѣдующихъ выборовъ, такъ какъ министерство измѣнено, такъ какъ роспускъ думы имѣетъ цѣлю не что иное, какъ провѣрку желаній страны, не что иное, какъ апелляцію къ народу. Я знаю, что эта группа добросовѣстно заблуждалась и думаю, что она сожалѣетъ теперь о своемъ заблужденіи. Но мы уже тогда хорошо видѣли, что такой апелляціи нѣтъ, что нѣтъ и рѣчи о провѣркѣ воли народа путемъ новыхъ выборовъ, что передъ нами стоитъ нѣчто совершенно иное, и послѣдующія событія насъ оправдали. Мы были правы, предвидя уже тогда возможность роспуска второй думы, мы предвидѣли возможность всѣхъ дальнѣйшихъ событий вплоть до акта 3-го июня. И разъ мы предвидѣли это, разъ мы считали это возможнымъ, то въ такомъ положеніи наша обязанность, нашъ долгъ былъ обратиться къ народу и указать ему, какъ онъ долженъ вести себя въ этотъ моментъ, какъ онъ долженъ отвѣчать на возможные посягательства на его права въ то время, когда народнаго представительства уже не будетъ существовать, и въ этомъ положеніи мы обратились къ тому средству, которое изложено въ подписанномъ нами въ г. Выборгѣ воззваніи, и которое носитъ наименованіе пассивнаго сопротивленія. Не нужно забывать, что предъ нами грозно вставала тогда возможность стихійно-беспорядочныхъ кровавыхъ столкновений, вызванныхъ роспускомъ думы. Какъ только-что говорившій предо мною подсудимый уже совершенно правильно указалъ, это не одни мы видѣли: правительство прямо готовилось къ чрезвычайнымъ событіямъ, разставляя войска въ дворахъ домовъ, прилегающихъ къ государственной думѣ. Въ этотъ критическій моментъ мы сочли необходимымъ указать народу другое средство защиты его правъ, средство, заключающееся въ отказѣ отъ платежа налоговъ и отъ явки къ исполненію воинской повинности правительству, посягающему на права народнаго представительства. Господа судьи и сословные представители! Я созною преподавателемъ государственнаго права въ университетѣ, и мое личное мнѣніе и личное глубокое убѣжденіе, которое я не могу отстаивать здѣсь, по которое я буду отстаивать во всякое другое время и въ другомъ мѣстѣ, состоитъ въ томъ, что это средство защиты конституціи въ исключительныхъ случаяхъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ конституціоннаго строя. Я не нахожу возможнымъ и удобнымъ входить здѣсь въ подробное научное обоснованіе этого положенія. Но я не могу и здѣсь не упомянуть о томъ, что конституціонный строй есть такой строй, который самъ въ себѣ заключаетъ гарантіи противъ своего нарушенія. Если съ одной стороны, власть правительственная въ конституціонномъ государствѣ гарантирована противъ возможныхъ вторженій въ ея компетенцію со стороны народнаго представительства своими прерогативами, то, съ другой стороны, какъ указалъ нѣкогда великій политическій писатель еще задолго до того, какъ былъ установленъ конституціонный строй на Западѣ, существуютъ гарантіи и для народнаго представительства противъ возможнаго нарушенія его правъ со стороны власти исполнительной. И эти гарантіи заключаются въ его правахъ ежегоднаго утвержденія бюджета и ежегоднаго опредѣленія численнаго состава арміи: безъ такихъ гарантій дѣйствительнаго конституціоннаго строя не существуетъ, и такіа гарантіи введены и въ наши основныя за-

коны. Но какъ быть, если и эти гарантіи будутъ устранены властью исполнительной, если самое существованіе народнаго представительства, ежегодный созывъ его на сѣзскъ, достаточный, по крайней мѣрѣ, для разсмотрѣнія бюджета, подвергнется опасности? Тогда у избирателей, у народа остается еще одно мирное средство для защиты своихъ правъ—это то пассивно: сопротивленіе, о которомъ мы говорили въ выборгскомъ воззваніи. Это средство противники наши часто называютъ средствомъ революціоннымъ, но нельзя не обратить вниманія на то, что къ этому средству на западѣ прибѣгаютъ самыя конституціонныя, самыя мирныя и лойальныя партіи, къ нему прибѣгали народы, наиболѣе извѣстные своею приверженностью къ закону, своей преданностью началамъ своего историческаго права: я говорю объ англичанахъ, я говорю о венгерцахъ. Недавно мнѣ пришлось прочесть въ одной газетѣ указаніе на примѣръ прусскаго національнаго собранія, которое послѣ роспуска его вотировало призывъ народа къ неплатежу налоговъ, причемъ указывалось, что этотъ призывъ въ Пруссіи былъ такъ же неудаченъ, какъ и у насъ. Проводилась параллель. Да, здѣсь существуетъ замѣчательная параллель и поразительное сходство, но газета, указавшая эту параллель, забыла объ одномъ существенномъ различіи. Тѣ прусскіе депутаты, которые призывали къ неплатежу налоговъ, не подверглись за это никакимъ преслѣдованіямъ. Прусское правительство оказалось настолько благоразумнымъ, чтобы понять, что такое преслѣдованіе походить болѣе на актъ политической мести, нежели на актъ правосудія. Г.г. судьи и сословные представители, предъ идеей пассивнаго сопротивленія безсильны и другія возраженія, которыя приходилось встрѣчать въ печати и въ общественныхъ собраніяхъ. Намъ часто указывали, что мы призывали народъ къ дѣйствіямъ анархическимъ, что мы совершили актъ антигосударственный. Нѣтъ, господа судьи, пассивное сопротивленіе предполагаетъ такую высокую степень сознательнаго отношенія населенія къ своимъ обязанностямъ, такую выдержку и дисциплину, что народъ, прибѣгающій къ такому средству защиты своихъ правъ, не можетъ впасть въ анархію. Это подтверждаютъ намъ и примѣры тѣхъ западно-европейскихъ странъ, гдѣ пассивное сопротивленіе примѣнялось. Наше воззваніе осталось безрезультатнымъ въ смыслѣ непосредственныхъ практическихъ послѣдствій. Но если народъ не пошелъ за нами—хотя, нужно сказать, многіе и тогда предвидѣли это, утверждая, что это средство нецѣлесообразно,—если народъ не пошелъ за нами, то тѣмъ не менѣе слѣды, оставленные выборгскимъ воззваніемъ въ душѣ народа, эти слѣды не смена анархіи. Конечно, пассивное сопротивленіе никакою конституціей не предусматривается, оно, по самой идее своей, есть лишь крайнее, чрезвычайное средство защиты конституціи, примѣняемое только въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда народное представительство и вмѣстѣ съ тѣмъ парламентскія средства защиты народныхъ правъ устранены. И если въ этомъ видѣ пассивное сопротивленіе есть дѣйствіе не антигосударственное, а дѣйствіе, укрѣпляющее основы государственности, пробуждающее сознательное отношеніе гражданъ къ своимъ обязанностямъ,—то тотъ гражданинъ, который не платитъ налоговъ и не исполняетъ воинской повинности въ исключительный моментъ, не платитъ и не исполняетъ только для защиты тѣхъ правъ, которыя онъ считаетъ нарушенными, этотъ гражданинъ есть лучшій гражданинъ и болѣе здоровый элементъ государства, нежели тотъ, который платитъ налоги и исполняетъ воинскую повинность изъ рабскаго, слѣпонаго повиновенія распоряженіямъ власти.

Эта теорія рабскаго, слѣпонаго повиновенія, съ точки зрѣнія которой нашъ актъ признается дѣйствіемъ преступнымъ, эта теорія уже нашла себѣ

оцѣнку, именно она привела насъ къ Мукдену и Цусимѣ.

Я скажу болѣе, есть еще тѣмъ типъ гражданина, типъ также весьма распространенный и мнѣ лично хорошо извѣстный; я знаю русскихъ гражданъ, которые, изъявляя на словахъ рабскую покорность, слѣдную преданность государственной идеѣ, въ то же время не платятъ налоговъ, но не во имя идей права, а только потому, что высокое общественное положеніе того или другого лица препятствуетъ низшимъ агентамъ власти взимать съ нихъ эти налоги. Кто изъ этихъ трехъ указанныхъ мною типовъ искреннѣе служить государственной идеѣ и кто изъ нихъ лучшій гражданинъ, это я предоставляю судить вамъ, гг. судьи. Я кончаю, гг. судьи и сословные представители. Какъ юристъ, я понимаю, что то обвиненіе, которое направлено противъ насъ, несостоятельно даже на той формально-юридической почвѣ, на которой оно стоитъ, что оно не выдерживаетъ критики даже съ точки зрѣнія уголовныхъ законовъ. Но я не буду вдаваться въ эту область. Когда мы были въ Выборгѣ, мы не разбирали, подвергаемъ ли мы себя уголовной ответственности и, если подвергаемъ, то по какимъ статьямъ.

Предъ нами стоялъ высшій долгъ, который объединилъ и тѣхъ, которые считали выборгское воззваніе нецѣлесообразнымъ, и тѣхъ, кто держался другого мнѣнія. Въ этотъ исключительный моментъ мы считали своей обязанностью указать народу средство защиты его правъ; захочетъ ли онъ воспользоваться этимъ средствомъ, или не захочетъ,—это его дѣло. Помимо этой точки зрѣнія, точки зрѣнія формально-уголовныхъ законовъ, я прибавлю—уголовныхъ законовъ, изданныхъ до манифеста 17 октября, существуетъ еще, гг. судьи, и другая точка зрѣнія, точка зрѣнія вѣчной правды и высшей справедливости, которая служитъ послѣднимъ источникомъ силы и авторитета всякаго закона, которая только одна и поднимаетъ законъ на ту недостижимую высоту, на которой онъ долженъ стоять.

И съ точки зрѣнія этой высшей справедливости, мы, гг. судьи, считаемъ себя правыми, и потому, независимо отъ того или иного истолкованія статьи уголовного уложенія, мы отвѣчаемъ вамъ: нѣтъ, виновны. Мы знаемъ хорошо, гг. судьи и сословные представители, что въ политической дѣятельности къ политическимъ дѣятелямъ нерѣдко примѣняется и иная мѣра, иной принципъ, который гласитъ такъ: побѣжденные всегда не правы, горе побѣжденнымъ! И если съ этой точки зрѣнія намъ придется подвергнуться карамъ, то мы къ этому давно приготовились, мы идемъ на это, мы знаемъ, что тѣ жертвы, которыя мы лично принесемъ, онѣ составляютъ ничтожную долю того моря жертвъ и страданій, которыя испытала и теперь еще испытываютъ наша страна. Я скажу болѣе. Эти жертвы и для насъ лично составить ничтожную каплю той чаши горечи, которую намъ пришлось испить, благодаря тому, что наши надежды привести страну на путь мирнаго развитія, достигнуть соглашения власти съ народомъ, что эти надежды были разбиты. Я повторяю, вся наша цѣль, вся наша идея заключалась въ томъ, чтобы создать изъ Россіи свободное, счастливое, могущественное, единое государство. Говорятъ, что всякая великая идея требуетъ жертвъ. Если мы должны быть этими жертвами, мы готовы быть ими, и мы пойдемъ въ тюрьму въ твердомъ сознаніи того, что для нашего дѣла суждено неизбежное близкое торжество.

Рѣчь В. Д. Набокова. Гг. судьи и гг. сословные представители. Такъ же, какъ и мои товарищи, уже высказавшіеся, и какъ все здѣсь сидящее, я признаю, что въ Выборгѣ сознательно, съ полнымъ убѣжденіемъ участвовалъ въ томъ актѣ, послѣднемъ актѣ народныхъ представителей, который выразился въ составленіи и подписаніи такъ называемаго воз-

званія „Народу отъ народныхъ представителей“. Такъ же, какъ и они, я считаю своимъ долгомъ дать вамъ объясненіе того, какими мотивами я руководился и къ какой цѣли я стремился. Въ настоящее время насъ отдѣляютъ отъ момента составленія и подписанія выборгскаго воззванія почти полтора года. Полтора года это—вообще большой срокъ; въ исторіи нашей современной жизни это срокъ огромный, и за этотъ срокъ мы пережили созывъ и роспускъ 2-й государственной думы съ послѣдовавшимъ измѣненіемъ основныхъ законовъ въ порядкѣ, этими основными законами не предусмотрѣнномъ, и переживаемъ въ настоящее время дѣятельность 3-й государственной думы,—работоспособной и законопослушной. Мы видимъ, что разница между тѣмъ моментомъ, когда мы составляли наше воззваніе, и моментомъ современнымъ, дѣйствительно колоссальна. Для того, чтобы судить нашъ актъ, который въ нашихъ глазахъ является историческимъ событіемъ, мы должны освѣтить его съ исторической точки зрѣнія. Я полагаю, что хотя здѣсь сегодня этотъ актъ разсматривается только съ точки зрѣнія судебной оцѣнки, но, вѣдь, и судебная оцѣнка не можетъ отрѣшиться отъ оцѣнки общественной: она стоитъ въ тѣсной связи съ общественной оцѣнкой, безъ которой судъ, судящій по совѣсти, не можетъ дать и правильной судебной оцѣнки. Но я долженъ тутъ же оговориться: въ данномъ случаѣ мы болѣе всего заинтересованы въ этой общественной оцѣнкѣ,—той оцѣнкѣ, которую дали страна и народъ. Я думаю, гг. судьи и сословные представители, что въ этомъ отношеніи мы имѣемъ возможность уже придти къ нѣкоторымъ выводамъ. Правда, къ тому способу выясненія общественной и народной оцѣнки, который явился бы для насъ болѣе убѣдительнымъ, который явился бы болѣе правильнымъ,—къ этому способу намъ не дано было прибѣгнуть. Въ теченіе полутора года мы пережили двѣ избирательныхъ кампаній. Какъ въ первой, такъ и во второй мы лишены были возможности, состоя подъ судомъ, выступить въ качествѣ кандидатовъ на избирательныхъ бюллетеняхъ. Такимъ образомъ, этой оцѣнки мы не получили. Нѣкоторымъ, быть можетъ, возмѣщеніемъ намъ можетъ служить то, что, если бы мы хотѣли провѣрить, насколько нашъ образъ дѣйствій въ первой государственной думѣ правленъ съ точки зрѣнія народной оцѣнки,—нѣкоторымъ возмѣщеніемъ, говорю я, могли бы служить выборы во вторую думу, гдѣ, какъ извѣстно, прошли подавляющимъ большинствомъ представители тѣхъ партій, которыя были почти всею представлены въ Выборгѣ. Во всякомъ случаѣ, для того, чтобы въ настоящую минуту отдать себѣ отчетъ въ нашихъ мотивахъ и цѣляхъ, намъ слѣдуетъ вернуться къ тому времени. Сдѣлать это мнѣ не трудно потому, что данное судебное засѣданіе вновь воскресило наше прошлое, и еще потому, что многое уже ранѣе было высказано двумя моими товарищами. Я долженъ вернуться къ моменту роспуска первой государственной думы. Здѣсь было указано, что этотъ роспускъ состоялся въ такой формѣ и въ такой моментъ, когда онъ для насъ по существу долженъ былъ имѣть значеніе ненормальнаго, необыкновеннаго. Роспускъ этотъ долженъ былъ казаться первымъ ударомъ идеѣ народнаго представительства. Здѣсь не было указано на ближайшій поводъ для этого роспуска. Какъ извѣстно, ближайшимъ поводомъ къ этому было извѣстное аграрное обращеніе правительства, на которое народное представительство не согласилось. Это обращеніе, согласно официальному объясненію, и было ближайшимъ поводомъ роспуска первой государственной думы. Достаточно прочесть наше аграрное обращеніе, чтобы увидѣть основную идею, которой руководились мы во всей дѣятельности первой государственной думы. Мы считали, что, пока существуетъ народное представительство, до тѣхъ поръ все справедливыя желанія обеспечены и могутъ

найти себѣ правильное осуществленіе. Мы указывали въ этомъ обращеніи къ народу, что, пока существуетъ дума, пока она является рѣшительницей всѣхъ вопросовъ, до тѣхъ поръ народъ можетъ быть спокоенъ. Мы указывали, что аграрный вопросъ рѣшится не мнѣніями и желаніями гг. Гурко и Спиринскаго, мы указывали, что наряду съ этимъ стоитъ государственная дума, которая всей массой убѣжденнѣйшимъ образомъ стоитъ на принципѣ принудительнаго отчужденія, указывали, что, пока существуетъ дума, народъ можетъ спокойно ожидать осуществленія своихъ желаній и надеждъ. Стало быть, охарактеризовать это аграрное обращеніе, которое, какъ извѣстно, случайно приобрѣло форму обращенія, которое могло съ такимъ же удобствомъ вылиться въ форму перехода къ очереднымъ дѣламъ, какъ актъ революціонный, едва ли можно было. Съ нашей точки зрѣнія, аграрное обращеніе было послѣдовательнымъ развитіемъ тѣхъ основныхъ взглядовъ, которые мы проводили въ государственной думѣ. Гг. судьи и сословные представители! Если я могу сказать, что счастливѣйшимъ днемъ моей жизни я считаю тотъ день, когда впервые вступилъ подъ своды таврическаго дворца, то могу съ такою же искренностью сказать, что несчастнѣйшимъ днемъ моей жизни былъ тотъ день, когда 9 іюля въ 6 ч. утра я узналъ о состоявшемся роспускѣ государственной думы. Тутъ зачастую мы слышали указанія и упреки въ томъ, что наша дальнѣйшая дѣятельность была взрывомъ уязвленнаго честолюбія. Гг. судьи! я понимаю, что послѣ пережитого нами историческаго періода, когда тѣ или другія обстоятельства, даже иногда величайшія политическія событія, въ концѣ концовъ, обуславливаются игрой уязвленныхъ честолюбій, такое обвиненіе могло быть къ намъ предъявлено, но со всей рѣшительностью и со всей опредѣленностью я его отвергаю. Здѣсь, почти рядомъ съ зданіемъ суда судятся другія лица, дѣятельность которыхъ дѣйствительно являлась такою игрой. Мы въ нашей дѣятельности руководились всецѣло и исключительно не побужденіями уязвленнаго честолюбія, а сознаніемъ нашего долга, нашей нравственной обязанности. Мы, дѣйствительно, смотрѣли на государственную думу, какъ на единственную надежду, единственную опору; мы считали, что единственный способъ умиротворенія страны—въ нашей дѣятельности въ государственной думѣ, и къ этому мы стремились. Мы понимали, что полное умиротвореніе можетъ быть достигнуто лишь тогда, когда странѣ дается то, чего она жаждетъ. Мы понимали, что умиротвореніе, достигаемое путемъ всевозможныхъ исключительныхъ положеній, примѣненіемъ всякихъ исключительныхъ мѣръ, не есть настоящее умиротвореніе, что оно можетъ создать только видимость умиротворенія и что тѣмъ страшнѣе будетъ пробужденіе. Мы считали истинное умиротвореніе возможнымъ только тогда, когда въ странѣ исполняются тѣ политическія и социальныя реформы, которыхъ она жаждетъ. Первымъ нашимъ актомъ въ государственной думѣ была эта попытка ввести умиротворяющее начало. Съ этой точки зрѣнія мы заговорили объ амнистии и считали, что это есть тотъ великій актъ любви и довѣрія, который долженъ внести начало умиротворенія. Съ этой же точки зрѣнія мы внесли въ государственную думу нашъ законопроектъ объ отменѣ смертной казни. А когда мы заговорили о политическихъ и социальныхъ реформахъ, то, разумѣется, передъ нами развернулся и не могъ не стоять длинный списокъ тѣхъ органическихъ законодательныхъ реформъ въ области политическихъ свободъ, въ области установленія равноправія, въ области измѣненія всего административнаго и судебнаго строя, наконецъ, развитіе манифеста 17 октября въ смыслѣ достиженія всеобщаго избирательнаго права,—вотъ тѣ политическія реформы, осуществить которыя поставила задачей первая го-

сударственная дума. Но мы хорошо понимали, что и эти политическія реформы являются только формой, если въ нихъ не вложено содержанія. Мы считали, что социальныя реформы, въ частности аграрныя, земельныя, должны стоять на первомъ планѣ. Мы это выразили уже съ первыхъ шаговъ дѣятельности въ государственной думѣ, въ томъ адресѣ, который объединилъ думу, и могу сказать, что мы до конца шли по этому пути. Та власть, которой подлежало идти съ нами рука объ руку, идти намъ навстрѣчу, дѣлать съ нами труды, она, какъ извѣстно, оставила насъ въ пустомъ пространствѣ. Мы оказались въ положеніи неслыханномъ. Здѣсь было уже указано, какъ правительство отнеслось къ законодательной дѣятельности государственной думы. Когда послѣ цѣлаго ряда необходимыхъ предварительныхъ шаговъ по организаціи народнаго представительства, когда наконецъ, удалось начать разработку и выработку законопроектвъ, и политическія реформы должны были воплотиться въ жизнь, тогда наступилъ моментъ роспуска думы. Предшествующій ораторъ, мой товарищъ Ив. Ил. Петрункевичъ, говорилъ, что была лишь видимость законодательства. Конечно, если смотрѣть съ практической точки зрѣнія, если вспомнить, что мы тогда могли хорошо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что безконечно отдаляетъ отъ насъ тотъ моментъ, когда предполагаемыя реформы осуществятся въ окончательной формѣ законодательства,—тогда для насъ, пожалуй, могла быть какъ будто видимость. Тѣмъ не менѣе, мы считали нравственнымъ долгомъ, какъ законодатели, какъ первые народные представители, облечь то, что намъ казалось народнымъ желаніемъ и народными нуждами, въ форму правильнаго законодательства. И вотъ, гг. судьи и сословные представители, послѣ почти трехъ мѣсяцевъ упорной работы, такой работы, которая для меня и моихъ товарищей въ первый разъ въ жизни явилась такою напряженной, ежеминутной, мы 9 іюля узнали о роспускѣ думы. Потому, что мы отъ нея ожидали, можно судить, какъ мы отнеслись къ факту ея роспуска. Для насъ это, дѣйствительно, было крушеніе нашихъ надеждъ, и мы ясно почувствовали, что дѣло не въ этихъ формальныхъ неправильностяхъ акта, не въ этой, можетъ быть, его неконституціонности,—какъ извѣстно, въ воззваніи мы этого и не коснулись,—и что роспускъ былъ дѣломъ гораздо болѣе глубокимъ, что обѣщаніе созвать думу въ 7½-мѣсячный срокъ значило заранее установить 7½-мѣсячный срокъ бездумья. Въ этомъ мы предвидѣли величайшую огромную опасность. Мы не догадывались о томъ, что послѣдуетъ, вѣришь, мы не могли себѣ представить, въ какія формы это отольется, но я долженъ сказать, что, когда анархія разрослась, когда эти отдѣльныя проявленія анархіи повторялись ежедневно, ежечасно, когда въ борьбѣ съ ними нельзя было опираться на народное представительство, и правительство нашло возможнымъ обратиться къ небывалымъ средствамъ, мы могли сказать, что мы это предсказывали, мы это предвидѣли и мы хотѣли этого избѣгнуть. Если это такъ, то естественно, что первымъ нашимъ движеніемъ, нашимъ чувствомъ, было всей силой нашего убѣжденія, всей силой нашего гражданскаго долга протестовать противъ этого акта; я утверждаю, что этотъ актъ, въ ту минуту совершившійся, явился ударомъ, явился первой попыткой обратитъ движеніе вспять; я убѣжденъ, что переломъ произошелъ 8 іюля: до 8 іюля были колебанія. Мы не знали, вступили ли мы, дѣйствительно, окончательно 17 окт. на путь правового государства; 8 іюля въ этомъ смыслѣ нанесенъ громадный ударъ нашимъ надеждамъ. 8-е іюля воочію убѣдило насъ, что дѣло не въ формѣ, а въ историческомъ роковомъ несоотвѣстствіи между требованіями и желаніями народа и тѣмъ, что желаетъ дать власть. Вотъ, съ этой точки зрѣнія, вся послѣдующая исторія нашего законодательства подтверждаетъ, что нашъ діагнозъ, такъ сказать, инстинктивно, психологически былъ поставленъ вѣрно.

Такимъ образомъ, я говорю, что мы должны были протестовать, но мы не могли ограничиться этимъ протестомъ. Можетъ быть, сдѣлать то, что сдѣлали другіе наши товарищи: черезъ нѣсколько дней послѣ роспуска государственной думы они указывали, что этотъ роспускъ совершенъ съ цѣлью провѣрки народныхъ желаній и что правительство, которое боролось съ народнымъ представительствомъ, въ настоящее время смѣнено; но мы и на этотъ путь вступить не могли, потому что это совершенно противорѣчило въ нашихъ глазахъ объективной правдѣ и нашему личному субъективному убѣжденію. Мы понимали, что это начало борьбы, которая должна неизбежно, въ случаѣ отсутствія сопротивления, окончиться поражениемъ. Съ другой стороны, гг. судьи и сословные представители, мы хорошо отдавали себѣ отчетъ и въ томъ, какое впечатлѣніе долженъ произвести роспускъ думы на всю страну. Конечно, сказать напередъ, въ какой формѣ выразится народное движеніе и что послѣдуетъ за этимъ актомъ, не могли ни мы, ни то правительство, которое, какъ извѣстно, имѣетъ вездѣ свои руки, глаза и уши. Мы могли думать, могли признать, что народъ выразитъ требовать отъ своихъ представителей, чтобы ему сказали, что въ эту минуту ему надлежитъ дѣлать. Въ государственной думѣ онъ видитъ этотъ путь, но этотъ закономѣрный правовой путь прегражденъ. Мы выработали воззваніе къ народу. Здѣсь, въ этомъ залѣ, говорилось о томъ, конституционны ли тѣ средства, которыя въ воззваніи указаны. Я долженъ сказать, что для меня лично этотъ вопросъ ни въ Выборгѣ, ни потомъ въ Петербургѣ не возникалъ. Я хорошо понимаю, что бываютъ такіе минуты въ жизни отдѣльнаго лица и въ жизни, тѣмъ болѣе, цѣлаго государства, когда диктуется поведеніе, признаваемое высшимъ благомъ, той *salus publica*, которая для каждого изъ насъ—*suprema lex*. Тѣ или другія дѣйствія могутъ сталкиваться съ формальнымъ велѣніемъ или запретомъ уголовного законодательства, но въ эти минуты съ этимъ считаться нельзя. Для многихъ гг. судьи, это могло быть личной трагедіей. Тутъ указывали на то, что при выработкѣ выборскаго воззванія между нами могло быть разногласіе. Я не буду говорить о живыхъ, а напомнимъ о мертвыхъ, о Герценштейнѣ и Юлосѣ (всѣ присутствующіе, за исключеніемъ судей, встаютъ), которые пали жертвами отъ удара предательской руки, которые, какъ извѣстно, въ Выборгѣ возражали противъ выборскаго воззванія. Эта трагедія была многими пережита. Есть минуты, когда высшій долгъ заключается въ объединеніи, когда надо совершить совместное дѣйствіе, когда надо дать народу примѣръ людей, дѣйствующихъ по единому убѣжденію, единымъ образомъ выраженному; къ этой точкѣ зрѣнія они присоединились. Съ этой точки зрѣнія выборское воззваніе является не актомъ отдѣльныхъ лицъ, а актомъ членовъ первой государственной думы. Въ той оцѣнкѣ, господа судьи, которая этому акту дѣлается, наблюдается разительное противорѣчіе: съ одной стороны, говорятъ и говорили, что выборское воззваніе и самая поѣздка въ Выборгъ, что все это было буффонадой, дѣтскимъ наивнымъ поступкомъ, но рядомъ съ этимъ намъ говорятъ, что это было революціонной бомбой—и это вполне понятно, когда намъ хотятъ доказать, что совершили нѣчто легкомысленное, нѣчто нелѣпое, недостойное народныхъ представителей, намъ говорятъ, что воззваніе—нѣчто легкомысленное, дѣтски-наивное, а когда идетъ рѣчь о томъ, на какомъ основаніи подвергнуть насъ карамъ правосудія и выбросить изъ государственной и общественной жизни, то намъ говорятъ, что это революціонная бомба. Тутъ надо выбирать одно изъ двухъ. Намъ этого выбора не приходится дѣлать. Для насъ выборское воззваніе не есть, конечно, дѣтскій, легкомысленный поступокъ и тѣмъ менѣе революціонная бомба. Въ выборскомъ воззваніи мы сказали, что бываютъ ми-

нуты, когда для каждого гражданина, и въ особенности для народныхъ представителей, первой и главной мыслью должно быть спасеніе этого народного представительства. Это убѣжденіе нами руководило и продиктовало наши поступки. Въ настоящее время наши поступки подлежатъ вашему суду, но что бы вы ни сказали и чѣмъ бы ни кончился вашъ судъ, я съ увѣренностью могу сказать, что мы выйдемъ изъ этого зала съ сознаниемъ исполненнаго долга.

Если бы въ Выборгѣ нашлся человѣкъ, который указалъ бы намъ, что мы должны дѣлать, а не говорилъ намъ только о томъ, чего мы не должны дѣлать, указалъ бы намъ иной положительный путь, по которому мы должны идти для спасенія народного представительства, о, тогда мы объединились бы и еще съ большимъ жаромъ и единодушіемъ, можетъ быть, всѣ соединились, какъ братья, вокругъ этого новаго лозунга. Мы же имѣли только тотъ лозунгъ, который нашли. Правиленъ онъ, или неправиленъ, это подлежитъ суду народа, суду исторіи, и какъ изъ того зала, гдѣ было составлено воззваніе, мы вышли съ сознаниемъ исполненнаго долга, такъ и изъ этого зала мы выйдемъ съ сознаниемъ исполненнаго гражданскаго долга народныхъ представителей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА.

Прав. сенатъ разъяснилъ, что вакантная должность члена управы, сверхъ двухъ замѣщенныхъ, открывшаяся до истеченія трехлѣтняго выборнаго срока, можетъ быть собраніемъ упразднена, но если для замѣщенія этой должности собраніе приступить къ выборамъ, и, послѣ первыхъ безуспѣшныхъ, вторымъ, то тѣмъ самымъ удостовѣряется необходимость въ замѣщеніи вакантной должности, послѣ двукратныхъ безуспѣшныхъ выборовъ, порядкомъ, указаннымъ въ ст. 119 пол. зем. учр., т., властью министра внутреннихъ дѣлъ—(5—XI—12615).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что увеличеніе числа членовъ управы, являясь исключительно послѣдствіемъ роста земскаго хозяйства, не предоставляетъ земскому собранію какихъ либо особыхъ правъ въ отношеніи порядка замѣщенія учрежденныхъ собраніемъ должностей членовъ управы по сравненію съ порядкомъ замѣщенія тѣхъ же должностей, опредѣленныхъ по штату, такъ какъ на это нѣтъ прямого указанія въ законѣ.—(5—XI—12615).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что сокращеніе числа избирателей во время производства выборовъ не можетъ быть признано законнымъ поводомъ къ отмінію выборовъ.—(7—XI—12847).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что законъ имѣетъ въ виду обезпечить правильность разрѣшенія дѣлъ въ думѣ установленіемъ извѣстнаго соответствія между числомъ избирателей въ каждомъ городѣ и числомъ гласныхъ, являющихся представителями городского населенія, а потому минимальное число гласныхъ, необходимое для законности состава думы, не мо-

жетъ уменьшаться безъ всякаго соотвѣтствія съ числомъ избирателей въ городѣ и должно составлять для каждаго четырехлѣтія величину постоянную — (5—XI—12614).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что хотя по точному смыслу прим. къ ст. 34 уст. о зем. пов. на уѣздныхъ земствахъ, предоставлявшихъ въ 1889 г. помѣщенія сѣздамъ мировыхъ судей въ земскихъ зданіяхъ, въ настоящее время лежитъ обязанность отводить уѣзднымъ сѣздамъ помѣщенія натурою въ томъ же размѣрѣ, но изъ сего нельзя еще заключать, чтобы земство было обязано отводить такіа помѣщенія непременно въ земскомъ домѣ — (5—XI—12613).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что земскія собранія не лишены права назначать предсѣдателямъ и членамъ земскихъ управъ вознагражденія и пособія изъ земскихъ суммъ, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы выдачи эти были ассигнуемы по особымъ обстоятельствамъ, какъ исключеніе, а не въ видѣ постоянной прибавки къ жалованью — (8—XI—12957).

Прав. сенатъ разъяснилъ, что недвижимыя имущества, принадлежащія государственному банку, обложенію государственнымъ налогомъ не подлежатъ, какъ содержимыя на средства казначейства, въ распоряженіе котораго поступаетъ вся чистая прибыль банка, естественно уменьшающаяся въ зависимости отъ расходовъ на содержаніе имущества банка, производимыхъ послѣднимъ — (20—XI—13528).

Министерство внутреннихъ дѣлъ отдало распоряженіе, чтобы были приняты мѣры къ недопущенію политическихъ заключенныхъ пользоваться вспомоществованіями, поступающими со стороны; тюремному начальству въ этомъ отношеніи вмѣняется въ обязанность соблюдать правила относительно пользованія арестантами деньгами, получаемыми извнѣ, а общей полиціи — не допускать образованія сообществъ, поставляющихъ цѣлью оказаніе помощи заключеннымъ и производство незаконныхъ сборовъ въ пользу арестантовъ. (Н. В.).

Г. министръ юстиціи увѣдомилъ Н. А. Хомякова о томъ, что членъ гос. думы В. Г. Косоротовъ обвиняется по 3 и 4 пунктамъ 129 ст. уг. улож. Сообщение министра заявляетъ, что В. Косоротовъ, осенью этого года, произнесъ предъ толпой рабочихъ агитаціонную рѣчь, возбуждающую къ ниспроверженію существующаго строя и къ неповиновенію властямъ. (Св. М.).

Къ судебной отвѣтственности привлекается въ полномъ составѣ грязовецкая земская управа за допущеніе въ народныя библіотеки уѣзда книгъ, вышедшихъ явочнымъ порядкомъ. (Рѣчь).

Въ Вяткѣ распоряженіемъ губернатора закрыто общественное собраніе, существовавшее 56 лѣтъ. Среди насчитывающихся въ обществѣ 300 человѣкъ

огромное большинство составляютъ коммерсанты и чиновники. (Н. В.).

Закрыто профессиональное общество низшихъ служащихъ и рабочихъ городского управленія въ Москвѣ. (Бир. В.).

Въ Москвѣ у членовъ комитета партіи народной свободы производились обыски съ цѣлью установить официальнымъ путемъ существованіе этой нелегальной политической партіи и наличность ея организаціи. Добытые обысками матеріалы устанавливают принадлежность къ партіи всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ городского ея комитета. (Н. Вр.).

Въ Москвѣ редакторъ газ. „Хроника“ оштрафованъ на 3000 р., а изданіе газеты приостановлено. (Г. М.).

Въ Баршавѣ, въ офицерской средѣ мѣстной крѣпостной пѣхотной артиллеріи охраной открыта революціонная организація. Многіе арестованы. (Б. В.).

Въ Киевѣ арестована полиціей сходка социаль-революціонеровъ изъ 12 человѣкъ. У нихъ захвачены документы.

Въ Минскѣ полиція арестовала собраніе комитета военно-революціонной организаціи и захватила у задержанныхъ важные документы. (Р. Сл.).

Въ Елисаветградѣ обнаружена тайная типографія мѣстныхъ анархистовъ. (Рѣчь).

Въ Ригѣ, въ трехъ квартирахъ обнаружены: большая хорошо оборудованная типографія и литографія социалистической партіи, паспортное бюро, архивъ партіи, 50 пудовъ шрифта, множество клише, матрицы, котлы для отливки стереотиповъ, готовые стереотипы, полный наборъ январскихъ номеровъ подпольныхъ газетъ — „Циня“, „Штыкъ“ и „Борьба“, огромная масса нелегальной литературы, складъ фальшивыхъ паспортовъ и аттестатовъ зрѣлости, отчеты тайныхъ организацій, печати партіи и правительственныхъ учреждений и пишущая машина. Арестовано 6 мужчинъ, 4 женщины.

Близъ Екатеринослава, между станціями „Садка“ и „Монахово“ въ арестантскомъ вагонѣ, въ которомъ находились 16 арестантовъ и 7 конвоировъ, арестанты набросились на конвоировъ; послѣдніе вынуждены были стрѣлять. Ранены 5 арестантовъ и конвоиръ вырванной у него шашкой.

Въ кутаисской губернской тюрьмѣ арестантами до 700 человѣкъ объявлена голодовка. Условія тюремной жизни ужасныя. Тюрьма крайне переполнена, коекъ недостаточно, часть арестантовъ спитъ на цементномъ полу, бѣлье стирается въ камерахъ, параша сутками остаются въ камерахъ. Свирѣпствуютъ

общія и эпидемическія заболѣванія, смертность велика. Въ покойницкой не переводятся покойники. Воспрещено куреніе, курятъ чай. Бани, умывальня закрыты. Умерли трое. (Ст. П.).

Въ Варшавѣ казнены три человѣка: Стычекъ, Ендрусекъ и Вуйцикъ. (Р. Сл.).

Въ Ригѣ казнены три человѣка: Шмидтхенъ, Курченко и Столовъ. (Р. Сл.).

Въ Умани повѣшены три человѣка: Нужда, Поваръ и Герасимчукъ. (Русь).

Въ Черниговѣ казнень Кіашко. (Русь).

Въ Верхнеудинскѣ казнены восемь человѣкъ, въ томъ числѣ одна женщина. (Р. Сл.).

Въ Винницѣ повѣшены два человѣка: Мельникъ и Бѣлостѣнко. (Русь).

Списокъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Касс. Деп. Правит. Сената.

На 8 января, по апелляц. отд. угол. кассац. департ.

По отзывамъ: Телѣгина московской с. п. 2 ч. 132 ст. уг. ул.; Михайловой спб. с. п. 2 п. 132 ст. уг. ул.; Кофмана кіевск. с. п. 2 п. 132 ст. уг. ул.; Вороневича тифлисс. с. п. 2 ч. 132 ст. уг. ул.; Косминского саратов. с. п. 132 и 104 ст. уг. ул.

По протесту и. о. товарища прокурора саратовской с. п. по обьян. Пулина по 104 и 132 ст. угол. улож.

На 9 января, по гражд. касс. департ.

Палатскія: Лаевского и др. съ Крымовымъ; Наконечной съ Бернатовъ; Яворницкой съ Ліоманъ; Квасянаго съ Митурой; Мондржеевскаго съ Драбинской; Лесли и Чижевскаго съ Нормаркомъ; Матуселевскаго съ Розесомъ.

Съѣздовыя: акц. общ. бумажныхъ мануфактуръ „К. Шейблера“ съ Дайвловскимъ; Фурманика съ лашковскимъ костельнымъ дозоромъ; Сколимовскаго съ Заганчикомъ; Розенцвейга съ Лосковскимъ; Рундштейна и Берензона; комиссара бендинскаго уѣзда съ Серцаржамъ; Гонсіоровскаго съ Бризе-мейстеромъ.

На 9 января, по 1 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Зеберга съ Пузынемъ; акц. общ. завода „Ланге и сынъ“ съ Родзевичемъ и др.; Чеховича по д. о дух. зав. фонъ-Гильдебрандта; Шинта съ Мейеромъ; торг. д. „Бринеръ, Кузнецовъ и Ко“ съ Погуляевыми.

Съѣздовыя: Розента съ бар. Унгернъ-Штейнбергомъ; Кофкина съ Галликомъ; Іегерманъ съ Іегерманъ 2 дѣла; Сооверъ съ Вейнбергомъ; Берзина съ Лукаускимъ; Війра съ Варрикомъ; Оунмана съ Матизенъ; Толочко и др. съ Воротынскимъ; Парва съ Тенсовымъ; Мишке съ Клемптерномъ; Вульвита съ Лигеромъ; Бруненау съ Даудеромъ; Канепъ съ Канепомъ; фонъ-Фегезакъ съ Андерсономъ; Коой съ Круминымъ; Таля съ Левиновичемъ; Казуметса съ Киммелемъ и др.; Эрнстсоновъ съ фонъ-Гольтеемъ; Вегнера съ Ланге; Бозе съ Крафтъ; Мягги съ Аренсомъ; Рудзита съ Трейманъ; Клейнгофа съ Грубенбергомъ; Реута и др. съ спб. металл. заводомъ;

Юнеля съ Кергалемъ; Лѣпина съ Ландовскимъ; Озолинъ съ Курзеномъ; Сааръ съ Сааромъ; Сійма съ егевестскимъ вол. общ.

На 10 января, по 2 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: т-ва Полюсъ съ т-мъ Вотанъ; Федосѣвой съ Павловой; Астріева съ Авшаровымъ; Шиманскаго съ о-мъ хутора Курчанскаго; Фаста съ азов.-донскимъ ком. банкомъ 3 дѣла; Кареля съ Карелемъ; Рутченковскаго горнопром. о-ва съ кн. Долгоруковой; Залѣскаго съ Дохами; Русова съ Бишлеромъ; упр. ж. д. съ Бережнымъ; Баркалова съ Баркаловой; Верещака съ Левиновымъ; могилевской р.-к. духовной консисторіи съ Зомбергъ.

Съѣздовыя: торг. дома „М. А. Каспаровъ съ с-ми“ съ Михайловымъ; Семенова съ Ивановой; Каренковскаго съ Лиховичемъ; Гилятовской съ Домбровскимъ; Микерова съ Поганкиными; Шостаковского съ упр. скоморошскаго сах. завода; Зайцевой съ Зайцевымъ.

Обьявленіе резолюціи: Комлина съ Распоповыми.

На 11 января, по 3 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Гальцова съ высочайше утв. тов. амурскаго пароходства; Заверуховъ и Чеконюка съ Свиноруковой; Шантыря съ Марцинкевичъ; Виторскаго съ Юзефовичъ; торг. д. И. Скворцова съ новья съ Алексѣевой; общ. рязан.-урал. ж. д. съ Гаденко; Чечоттъ съ общ. кр. с. Рыковичъ; упр. жел. дор. съ Грюнбергомъ; Введенскимъ; Жукомъ; общ. владиавк. ж. д. съ Артугановымъ; Гольдшерштейна съ общ. моск.-кіев.-ворон. ж. д.; Козловой съ Киселевымъ; Иванова съ Приспѣшниковымъ и др.

Съѣздовыя: Алексѣевой съ Стебергомъ; Дѣдовскаго с. общ. съ общ. кр. с. Второй Бѣлой Горки; Уманской съ Майданскимъ и др.; Синкевичъ съ Богдановичемъ; Хлюпино съ торг. д. В. Заглухинскій и сынъ; Федорова съ Ермолаевымъ; Петровой съ Гальшинымъ; Езкова съ Андріановымъ; торг. д. бр. И. А. Губины съ Сергѣевымъ; Тургеля съ Рейхомъ; Кузьмина съ Ларіоновой; Бутина съ Ивановымъ; Титова съ Бальшевымъ; Бешъ съ Грыззинымъ; Балюка съ Колонійцемъ; Сегеди и Цызирева съ Фистолемъ; Селифанова съ нижегородскимъ тов. легкаго пароходства; Спелтора съ акц. общ. кіевской паров. мукомольн. мельницы; Гаковой; съ Чайковскимъ; Тягая съ Дубовыми и Бунашковой; Кляве съ Шашландомъ; Гладковъ съ Шапошниковой.

Обьявленіе резолюціи Гордѣевыхъ.

На 11 января, по 4 отд. гр. касс. деп.

Палатскія: Цвѣта съ Батушкинымъ; Лозе и Салисъ съ Сазоновыми; Кубянь Спочинскаго, Простокубянскаго и Дюсюмскаго с. общ. съ общ. кр. дер. Малой и Новой Шаши, Чембулатъ и Югунъ; Куржіймскаго съ главнымъ управленіемъ торговаго мореплаванія; Прейсъ съ Маерскимъ; Федорова съ Лозяновой, Глаголевой; Холоденко съ Лихтенбергомъ; спб. К^о Надежда съ Коппе; министерства императорскаго двора съ Брусицынымъ; Безсчастнаго и др. съ Семеченками.

Сѣздовыя: акц. общ. Сормово съ Булыгинымъ, Хохловымъ, Микуровымъ, Труминымъ; Соколова съ Тихомировымъ; общ. станицы Старотитаровской съ Компанейцомъ; Керсонъ съ общ. электрическихъ сооружений; тов. зав. пневматическихъ машинъ; Герчикова съ Немировскимъ; Гергуля съ Слободяномъ; Розова съ Шиткевичъ; Шубукина съ Лисавиной; Полякова и Пумкина съ Трипельцемъ; спб. акц. общ. печатн. и писчебум. дѣла въ Россіи „Слово“ съ Мирошниковымъ; Лазуркина съ Крамеромъ; русск. акц. общ. Эриксонъ и К^о съ Кійсомъ; Рунчъ съ спб. металлическимъ заводомъ; Вакса съ Симховичъ, Глезеровымъ, Рубашевой, Аквисомъ.

На 12 января, по 5 отд. гражд. касс. д-та.

Палатскія: гор. Остра съ Харкунами; Качана съ минскимъ архіерейскимъ домомъ; кн. Гагариныхъ; калужской казенной палаты по дѣлу Никулиной; тамбовской казенной палаты по дѣлу Алексѣевой; Гурова по дѣлу Румянцева; Эфендигеръ и др. съ батумскимъ город. обществомъ; г. Кіева съ Батракомъ.

Сѣздовыя: Бендеръ; Бартушекъ съ полтавскимъ городскимъ обществомъ; кіевского общества водоснабженія съ Рафаловскимъ; Батуриной съ Фридлядомъ и др.; Лозована съ Гаврилицей; бессарабско-таврическаго земельного банка съ одесскимъ уѣзднымъ земствомъ; Сиротина съ общ. стан. Раздорской; Бекунова съ Штанковымъ; Васильева съ Бедотовымъ; Горохова съ Резмянцевымъ; московской казенной палаты по дѣламъ Стизына, Степанова, Громова; пермской казенной палаты по дѣлу Ильинскаго имѣнія гр. Строганова; банк. д. бр. Джамеровы; саратовской казенной палаты по дѣлу Кривишева и др.; гр. Воронцовой-Дашковой по дѣлу юго-камскаго заводоуправленія; подольской казенной палаты по дѣлу Широченко съ Калибачукомъ и Ковальчукомъ; Лавровой съ Левашевымъ; Гринблатовъ съ фонъ-Регекамфромъ; Козубенка съ Коваленко и др.; торг. д. Н. Е. Башкикова наслѣдники съ торг. д. Коновалова с-ья; харьковскаго городского общества съ Борщемъ; Ботнешко съ Цѣльникомъ; Руденко съ опекуномъ Коморовскаго; Щеглова съ Васильевой и др.; Антоновича съ Петровой; Михайлова съ Латышевымъ.

Издатель, приватъ-доцентъ: В. М. Гессенъ

Отвѣтственный редакторъ: І. Е. Фриде.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

А. И. ГИЛЛЕРСОНЪ. Защитительныя рѣчи по дѣламъ уголовнымъ. (Изд. Книгоиздательства „Юридическая Помощь“, Ц. 1 р. 25 к.). Оставшіеся экземпляры можно получать по 1 рублю у автора Невскій пр., № 108, кв. 5; высылаются также наложен. платежомъ.

ИЗДАНІЯЮРИДИЧЕСКАГО КНИЖНАГО МАГАЗИНА

Н. К. Мартынова.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 50/15.

(Телефонъ 22—710).

АНИСИМОВЪ Воинск. уст. о наказ. съ разъясн. и рѣш. гл. воен. суда и циркул. изд. 10, 1908 г. Ц. 3 р.

АНИЧКОВЪ. Мировой судъ и преобраз. низш. судовъ. 1907 г. Ц. 60 к.

БЛОСФЕЛЬДТЪ. Св. дѣйств. узакон. о госуд. прест. дѣян. 1907 г. Ц. 70 к.

ВЕРЕЩАГИНЪ. Зак. 3 іюня 1902 г. объ улучш. полож. незакон. дѣт. 1907 г. Ц. 60 к.

ГАУГЕРЪ. Дополн. къ сб. рѣш. общ. собр. съ прил. указ. постат. алф. по фамил. и разрѣш. вопр. за 1900—1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

ГОЛЬМСТЕНЪ. Уч. рус. гражд. судопр. изд. 4 пересм. 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

Зак. гражд. (т. X, ч. I) по продолж. 1906 г. съ прил. алф. и предметн. указат., мал. форм. Ц. 1 р. 30 к.

КОРКУНОВЪ Сравн. оч. госуд. права и иностр. держ. изд. 2, 1906 г. Ц. 1 р.

ЛУИ, П. Зак. о рабоч. или рабоч. законодат. съ разъяснен. сената и циркул. мин. хост. изд. 6, 1907 г. Ц. 40 к.

МАКАЛИНСКИЙ. Практ. Рук. для судебн. слѣдов. на земн. шарѣ 1907 г. Ц. 6 р.

МАРТЫНОВЪ. Уст. воен.-судебн. разъясн. и дополн. съ прил. алф. указат. изд. 9, 1907 г. Ц. 3 р. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Зак. и усыновл. дѣт. съ законод. емот. разъясн. сен. и образц. бум. изд. 5, испр. и доп. 1907 г. Ц. 50 к.

ЕГО ЖЕ. Спр. кн. для опекуновъ и попеч. сб. зак. и разъясн. съ прил. образц. опекунск. доп. и отчет. изд. 3, 1904 г. Ц. 1 р.

ЕГО ЖЕ. Нотар. полож. разъясн. и дополн. законод. мот. рѣш. прав. сен. образц. акт. и засвид. изд. 5, 1904 г. Ц. 3 р.

ЕГО ЖЕ. Образцы и форма дѣл. бум. письма, прош. договора обязат. и справочн. свѣдѣн. изд. 3, 1903 г. Ц. 1 р.

Наказъ землеустр. комис. съ рѣш. прав. сен. и позднѣйш. распоряж. 1907 г. Ц. 50 к.

ПЕТРАЖИЦКИЙ. Теорія пр. и госуд. въ связи съ теор. нравств. 1907 г. Ц. 2 р.

Смерть и увѣчье при эксплоат. ж. д. 1907 г. Ц. 40 к.

ТАГАНЦЕВЪ. Уст. о наказан. нал. мир. суд. изм. и дополн. изд. 16, 1907 г. Ц. 2 р.

Угол. улож. 22 марта 1903 г. съ указ. алфав. сравнит. и предм., мал. форм. Ц. 1 р.

Урочное полож. для строит. работъ съ разъясн. и дополн. прав. сената изд. 5, 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

ПОВАРИНСКИЙ. Сист. указ. русск. литер. по гражд. праву изд. 2, переработ. и значит. дополн. 1904 г. Ц. 4 р. 50 к.

ФОЙНИЦКИЙ. Курсъ уголовн. права г. особ. изд. 5, 1907 г. Ц. 3 р.

ШРАМЧЕНКО и ШИРКОВЪ. Уст. угол. судопр. съ разъясн. и дополн. прав. сен. и циркул. мин. юстиціи, изд. 3, 1907 г. Ц. 4 р. 50 к.

ЭЛІЯССОНЪ. Зак. объ отнош. между предприним. и рабоч. въ обл. фабрично-заводск. промышл. 1907 г. Ц. 3.

САКОВИЧЪ и ШИРКОВЪ. Кассов. пров. смѣтн. и ревизіон. порядка, печатается.

ГОРДОНЪ. Уст. гражданск. судопр., печатается (Переплеты отъ 50 к. до 75 к. и дороже).

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Списокъ лицъ, ограниченныхъ въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Поводъ къ ограниченію правоспособности, статья и номеръ сенатскихъ объявленій.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Батыревъ, Дмитрій Павловъ, мѣщ.	С. о. 3 янв. № 1. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1304.	Ярославск. о. с.
Домбровскій, Яковъ Карловъ, мѣщ.	С. о. 7 янв. № 2. Попечит. надъ личн. и имущ. по уполномѣнительству. Р. VII, ст. 468.	Рижск. с. с.
Колзакова, Марія Константинова, дочь ген.-майора.	С. о. 3 янв. № 1. Опекунство надъ личн. и имущ. по уполномѣнительству. Р. VII, ст. 467.	Сиб. дв. о.
Морозовъ, Александръ Федоровъ, пот. поч. гражд.	С. о. 3 янв. № 1. Опекунство надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 465.	Московск. с. с.
Масяновъ, Ананій Михайловъ, каз.	С. о. 3 янв. № 1. Опекунство надъ личн. по душевной болѣзни. Р. VII, ст. 466.	Казанск. с. с.
Неизвѣстный, Василій Фроловъ и ум. Михаилъ и Степанъ Фроловы.	С. о. 3 янв. № 1. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1300.	Астраханск. о. с.
Поминновъ, Алексѣй Тимофѣевъ, кр.	С. о. 3 янв. № 1. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1303.	Ставропольск. о. с.
Соколовъ, Алексѣй Ефимовъ, каз.	С. о. 3 янв. № 1. Опекунство надъ имущ. по расточительности. Р. VII, ст. 464.	Черкасск. о. с.
Тарасовъ, Богданъ Никитинъ, мѣщ.	С. о. 3 янв. № 1. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1301.	Астраханск. о. с.
Шахворостовъ, Федоръ Григорьевъ.	С. о. 3 янв. № 1. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1302.	Владимірск. о. с.
Шишкинъ, Данилъ Сергѣевъ, мѣщ.	С. о. 3 янв. № 1. Несостоят. должникъ. Р. VI, ст. 1299.	Астраханск. о. с.

Списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности.

Званіе, имя, отчество, фамилія.	Статья и номеръ сенатск. объявленій, гдѣ опубликовано объ ограниченіи правоспособности и о прекращеніи такового.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Васильевъ, Маркъ Георгіевъ, куп.	С. о. 24 дек. № 103. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1907 г. № 8, ст. 1008), за уничтоженіемъ всехъ претензій. Р. VIII, ст. 377.	Московск. к. с.

Гошкови чъ, Михель Ароновъ, куп.

С. о. 24 дек. № 103. Прекращ. дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1904 г. № 78, ст. 937), признан. неосторожною. Р. VIII, ст. 379.

Одесск. к. с.

Сенченковъ, Иванъ Николаевъ, мѣщ.

С. о. 24 дек. № 103. Прекращено дѣло о несостоят. (первонач. публ.—с. о. 1902 г. № 82, ст. 866), безъ опредѣленія свойствъ. Р. VIII, ст. 378.

Ставропольск. о. с.

Списокъ уничтоженныхъ довѣренностей.

Кѣмъ выдана довѣренность.	Кому выдана довѣренность.	Гдѣ и когда явлена. Статья и номеръ сего объявл., гдѣ опубликовано объ уничтоженіи.	Установленіе, которое произвело публикацію.
Дромашковою, Мариною Климовою, измайльск. мѣщ.	Авакумову. Якову Ермолаеву, измайльск. жит.	С. о. 10 дек. № 99. У измайльскаго нотар. Касировича, 25 февр. 1906 г. № 710. Р. IV, ст. 386.	Кишиневск. о. с.

ЛУЧШІЙ ДРУГЪ ЖЕЛУДКА.

ВИНО СЕНЬ-РАФАЭЛЬ есть тоническое, укрѣпляющее, способствующее пищеваренію и возстановливающее силы вино.

Превосходно на вкусъ.

Неоцѣнимо при анеміи, при нервныхъ и желудочныхъ страданіяхъ и въ періодѣ выздоровленія.

Болѣе дѣйствительное средство для слабыхъ и выздоравливающихъ, чѣмъ желѣзные и хинные препараты.

Вино Сень-Рафаэль прописывается въ дозахъ винной рюмки послѣ каждой ѣды, и ликерной для дѣтей. Бутылки вина С.-Р. должны сохраняться въ лежачемъ положеніи въ прохладномъ мѣстѣ, по возможности защищенные отъ свѣта.

Предпочтительно употреблять въ прохладномъ состояніи.

Вино Сень-Рафаэль, по своему пріятному вкусу, не уступаетъ лучшимъ десертнымъ винамъ.

Compagnie du Vin St.-Raphael, valence (Drôme France).
! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

10—2

НИВА

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1908 г.
Кромѣ 52 №№ самаго журнала и др. къ нему приложеній,
ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

Полное собраніе сочиненій въ
28 КНИ- ГЛАХЪ **Глѣба Ив. УСПЕНСКАГО**

Съ обширной критико-біографической статьей Н. К. Михайловскаго.

Полное собраніе сочиненій въ
10 КНИ- ГЛАХЪ **Гергарта ГАУПТМАНА**

Въ образцовыхъ переводахъ извѣстныхъ писателей, съ критико-біогр. очеркомъ.

2 КНИ- ГЛАХЪ **Дневникъ и письма въ г.р. Алексѣя ТОЛСТОГО,**

которые представляютъ идейное дополненіе къ „Собр. соч.“ въ видѣ IV тома.

12 КНИГЪ „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ И ПОПУЛЯРНО- НАУЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, **= ВСЕГО =**

52 КНИГИ, т.-е., независимо отъ друг. приложеній, **ПО ОДНОЙ КНИГѢ ПРИ КАЖДОМЪ № „НИВЫ“.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеми приложеніями на годъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ВО	8 р.	Разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока.
безъ доставки—6 р. 50 к.	ВСѢ МѢСТА РОССИИ		
съ доставкой—7 р. 50 к.	За границу—12 р.		

Гр. новые подписчики на 1908 г. могутъ получить, кромѣ „Нивы“ 1908 г., еще **10** книгъ г.р. А. Н. ТОЛСТОГО за 1907 г. за единовременную доплату: безъ доставки **2 руб.**, съ дост. и перес. **2 р. 50 к.**

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Адресъ: С.-Петербургъ, Въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.